

**Николай
КОНЯЕВ**

ПОЛКОВНИК РОМАНОВ

Документальное повествование¹

Глава шестая

СПОДВИЖНИКИ СВЯТОГО ЦАРЯ

Когда смотришь на правление Николая II глазами окружавших его сановников, выясняется, даже самые умнейшие из них видели перед собою не помазанника Божия, чутко внимающего Его Воле, а обыкновенного администратора, игроку судьбы поставленного над всеми ими, и возникает удушающее ощущение всеобщей слепоты.

1

Николай II выглядит в глазах этих мемуаристов жалким и неумным существом, не способным даже к обыкновенному человеческому переживанию.

«Государь по натуре индифферент-оптимист, – пишет С. Ю. Витте. – Такие лица ощущают чувство страха только когда гроза перед глазами, и как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени. Мне думается, что государь в те дни искал опоры в силе, он не нашел никого из числа поклонников силы – все струсили, а потому сам желал манифеста², боясь, что иначе он совсем

¹ Окончание. Начало в журнале «Огни Кузбасса», № 3 за 2016 год.

² 17 октября 1905 года Николай II выпустил манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»:

«Божьей милостью Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем НАШИМ верноподданным:

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняют

стущается. Кроме того, в глубине души не может быть, чтобы он не чувствовал, что главный, если не единственный, виновник позорнейшей и глупейшей войны это – он; вероятно, он инстинктивно боялся последствий этого кровавого мальчуганства из-за угла (ведь, сидя у себя в золотой тюрьме, ух как мы храбры...), а потому как бы искал в манифесте род снискания снисхождения или примирения».

А вот другое «свидетельство» Сергея Юльевича...

«Когда через год или полтора после оставления мною премьерства его величество уволил Герасимова³, то Герасимов просил государя принять его...

При этом свидании, между прочим, было сказано следующее. Само собой разумеется,

сердце НАШЕ. Благо Российского ГОСУДАРЯ неразрывно с благом народным, и печаль – народная ЕГО печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы НАШЕЙ.

Великий обет Царского служения повелевает НАМ всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих намечаемых НАМИ к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив этим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от НАС властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению этой неслыханной смуты и вместе с НАМИ напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день Октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же НАШЕГО – в одиннадцатое».

³ Иосиф Петрович Герасимов, домашний воспитатель детей Льва Николаевича Толстого, товарищ Министра народного просвещения в правительствах Витте – Столыпина и во Временном правительстве.

оказалось, что Герасимов уволен государем потому, что этого желал Столыпин. Герасимов высказал, что он не понимает, почему Столыпин так против него, «что он графа Витте не успел узнать, но что он, граф Витте, по-видимому, ему верил, а Столыпина успел узнать и к нему относился с доверием и не понимает причины недоверия к нему Столыпина». На это его величество счел уместным уволенному товарищу министра народного просвещения дать мне не совсем лестную аттестацию. Казалось, что **его величеству было бы приличнее быть более сдержанным...**

Воображаю, какие отзывы его величеству благоугодно было высказывать обо мне господам Дубровину и прочим членам этой черносотенной шайки, когда он неоднократно наедине принимал их. Зная государя, я себе представляю приблизительно такую сцену. «Ваше величество, самодержавнейший государь, все несчастье России произошло от этой подлой конституции, от этого ужасного манифеста 17 октября, это жидовское наваждение, и как это ты, обожаемый батюшка-царь, мог подписать такую бумагу?» – говорит Дубровин или ему подобный. Ответ: «Это граф Витте меня подвел». «Самодержавнейший, благочестивейший государь, мы, русские люди, это чуяли, мы с ним расправимся». Затем господа Дубровин и К^о и пошли действовать»...

Право же, трудно поверить, что эти убогие рассуждения, более приличествующие базарной торговке, принадлежат человеку, возглавлявшему правительство Российской империи...

2

Но совсем другое дело, когда, отвлекаясь от удушающей вязи сановных амбиций и самолюбий, мы обращаемся к таким понятиям, как «народ», «страна», «государь», «династия», и рассеивается тогда серая хмарь чиновничьих интриг, а в залитом небесным светом пространстве явственно различаются величественные и прекрасные свершения эпохи Николая II.

Завершено строительство Транссибирской магистрали...

Проложен Северный морской путь...

Ошеломляюще быстро растет промышленность...

Происходит аграрная реформа с её переселенческим движением и освоением гигантских территорий Сибири...

Невиданно расцветают литература и искусство...

Необыкновенно укрепляется национальное самосознание и православная духовность...

И тут, казалось бы, возникает противоречие...

Если император Николай II в молитвенном сосредоточении прозирал путь России, то откуда же возникают тогда сопровождавшие всё его царствование революционные выступления, которые, с одной стороны, были вызваны происходящими преобразованиями, а с другой – сами обуславливали совершающиеся перемены?

Ответ очевиден...

Решения, принимаемые святым царем, как мы полагаем, были освещены и освящены волей Божией, но проводить их надобно было не в горнем воздухе Жития, а в реальной российской жизни. В осуществление этих решений вовлекались многомиллионные массы подданных и многочисленные политические группировки, готовые ради партийного успеха объединяться хоть с самим дьяволом.

«Кто в это время не был болен нервами? – риторически вопрошал всё тот же Сергей Юльевич Витте и тут же признавался: – И я тоже был совсем болен...»

Эта «болезнь нервов» и становилась причиной многих недоумений и разногласий в политическом руководстве страны, оборачивавшихся крайне негативными последствиями, а вызвана она была как раз тем общественным и духовным переустройством, что осуществлял государь.

Мы привели в качестве примера истерику, в которую впал умнейший и образованнейший Сергей Юльевич Витте, когда узнал, что государь удостоил приёма детского врача, статского советника, председателя Главного совета Союза русского народа Александра Ивановича Дубровина.

И тут Сергей Юльевич не был одиноким.

Встреча государя императора с Александром Ивановичем Дубровиным, преподнёсшим императору знак почётного члена Союза русского народа, «переменила», к примеру, и взгляды помощника присяжного поверенного Александра Фёдоровича Керенского. «Именно это, – вспоминал он, – привело меня к окончательному и неотвратимому выводу о том, что во имя спасения России, во имя её будущего правящая монархия должна быть устранена».

Не хотелось бы сравнивать выдающегося государственного деятеля с представителем со-

словия помощников присяжных поверенных, но ведь и Сергея Юльевича Витте начинало колотить при одной только мысли, что все эти местечковые террористы и помощники присяжных поверенных будут изгнаны черносотенным движением русского народа, поднявшегося на защиту империи.

Почему?

Да потому, что созданное по благословию святого праведного Иоанна Кронштадтского движение русских людей, на которое старался опереться император Николай II, неизбежно должно было оттеснить вместе с террористами-революционерами и ту космополитическую по своему духу аристократию, что окружала трон.

При этом нужно подчеркнуть, что Николай II никого не отстранял от участия в жизни Святой Руси, которую строил. Он не рубил, подобно Петру I, разрушавшему Святую Русь, головы слушникам. Николай II просто хотел сделать так, чтобы сопротивляющиеся переменам приближённые переменились, как переменился он сам, начав исправление общественных недугов с самого себя.

Это-то и вызывало столь сильную истерику в его ближайшем окружении.

Но что эта истерика по сравнению с тем воём, который подняла либеральная и аристократическая публика при появлении в Царском Селе Григория Ефимовича Распутина!

3

Показать, как организовывала воля святого царя грандиозные успехи, которых добилась Российская империя в годы его правления, не просто. Мемуаристы-исполнители чаще всего склонны были полагать, что все достижения – их личная заслуга, а государь не только не помогал, но мешал им.

Если бы не он, успехи были бы ещё грандиознее...

Разумеется, это не так, и рано или поздно, проанализировав прохождение государственных документов, удастся документально выявить роль императора в принятии решений, сыгравших благотворную роль для жизни страны, и тогда рассеются многие нынешние недоумения.

Но одновременно с этим есть в правлении Николая II немало сюжетов, где воля Божия присутствует настолько очевидно, что любые попытки подменить её категорией «случайного» уже и сейчас выглядят просто нелепыми.

К таким сюжетам относится, например, принципиальный вопрос возможности продолжения династии...

Мы говорили, что рождение долгожданного наследника престола царевича Алексия последовало после прославления Серафима Саровского, и в сознании как царской семьи, так и всего народа воспринималось как непосредственное продолжение этого события, как чудо, совершённое преподобным.

Можно называть это только совпадением, но, действительно, царская династия обрела возможность своего продолжения именно после деяния, потребовавшего от Николая II выступить в чисто духовном вопросе против единодушного мнения членов Святейшего синода и его всеильного обер-прокурора К. П. Победоносцева!

Можно не связывать уничтожение богоотступниками в Казани одной из главнейших святынь России – первообраза Казанской иконы Божией Матери и начало гемофилии, переданной царевичу по наследству от матери, но эти события стоят так пугающе близко друг от друга, что кажется, страшная болезнь дьявольской злобой злоумышленников и была впрыснута в тело царского ребёнка...

И снова оказалось поставленным под вопрос продолжение династии. Начало сбываться пророчество преподобного Серафима, предсказавшего, что «радость будет на самое короткое время. Что дальше, матушка, будет такая скорбь, чего от начала мира не было».

И, конечно же, появление в царской семье Григория Ефимовича Распутина, единственного человека, умеющего останавливать болезнь царевича Алексия и возвращать его к нормальной жизни, воспринимается в ряду перечисленных нами чудесных событий, поскольку оно само таким чудесным событием и являлось...

Личное знакомство Николая II с Григорием Ефимовичем Распутиным произошло 1 ноября 1905 года.

«Вторник. Холодный ветренный день. От берега замёрзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят всё утро... – записал в этот день в дневнике Николай II. – В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»

Распутин явился как Божия помощь, ниспосланная царской семье по их молитвам. А если

говорить более широко, то получается, что Распутин был послан как Божия помощь всей России. В его лице страна получала шанс, что продолжится прямое наследование престола и страна минует осложнения, связанные с борьбой внутри императорского дома.

«Ах, милости у Бога много – несть конца... – говорил сам Григорий Ефимович. – И все это мы переживаем на себе – чудеса – не даём отчёта в них».

Царская семья и сам святой царь этот отчёт себе давали...

4

Совсем иначе обстояло дело с высокопоставленными сановниками.

Возмущение, которое вызвало появление Распутина в Царском Селе, пережёлтывало через край.

Подобно Владимиру Николаевичу Коковцову⁴, большинство сановников было убеждено, что «Распутин – типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад под простака и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту; во внешности ему недоставало лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине; по замашкам это человек, способный на все, в своё кривляние он, конечно, не верит, но выработал твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренне верит всем его чудачествам, так и тех, кто преклоняется перед ним ради достижения через него тех выгод, которые не даются иным путем».

Это предубеждение, переходящее в открытое отвращение, трудно объяснить одним только возмущением аристократов, наблюдающих, как простой крестьянин из сибирской глуши запросто посещает царский дворец.

Вообще-то в нашей истории бывали взлёты и покруче.

Достаточно вспомнить ливонскую крестьянку Марту, сделавшуюся русской императрицей Екатериной I, или, например, малороссийского певчего, превратившегося во всемогущего графа Разумовского...

Но с ними толпящиеся у трона сановники как-то сразу примирялись, потому что эти простолудины сразу стали такими же, как они. Облачаясь в такие же одежды, новоиспечённые

графы сразу начинали вести такую же, как в высшем свете, жизнь, перенимая манеры, привычки и сам образ мыслей...

Распутин не собирался становиться ни графом, ни епископом, он оставался в своей косоворотке, шароварах и мужицких сапогах **посторонним** в великосветском кругу, и это раздражало ещё сильнее, чем его необыкновенное возвышение.

Великосветское раздражение проникло в круги революционно-либеральной публики, и она – благо, и фамилия подходила! – сразу превратила Распутина в жупел разврата, в котором якобы погрязла царская семья.

Успеху раздуваемого газетами, депутатами и великосветскими кругами мифа о Распутине способствовало то, что главная причина появления Григория Ефимовича во дворце, как и сама болезнь наследника, сохранялась в тайне, и в неё были посвящены только самые близкие царской семье люди. Не получавшая реального объяснения близость Распутина царской семье обрастала в результате самыми нелепыми и дурными слухами.

Григорий Ефимович оказался в весьма сложном положении. Не имея права раскрыть доверенную ему в царской семье тайну, он не мог дать объяснений, которых, безусловно, ждали от него и которые сразу бы сняли очень много недоброжелательности, проявляемой по отношению к нему.

Положение усугублялось тем, что к Распутину, помимо искренних поклонников и поклонниц, сразу прихлынула достаточно большая масса лиц, ищущих протекций и знакомств с влиятельными лицами.

Умения мгновенно разобраться в сложной структуре чиновничьих интриг, дворцовой опытности, искусства лавирования между различными группировками у Распутина, конечно, не было, да он и не желал приобретать этого опыта. То и дело натываясь на открытую вражду и недоброжелательность, попадая в нелепые положения, Распутин усиливал своё юродство, язык которого был чужд аристократической и либерально-революционной публике, и шокировал её ещё в большей степени, чем близость к царской семье.

Посмотреть, как это происходило, можно по воспоминаниям уже процитированного нами Владимира Николаевича Коковцова...

«Когда Распутин вошел в мой кабинет и сел в кресло, **меня поразило отвратительное вы-**

⁴ Министр финансов, а в 1911–1914 годах ещё и Председатель Совета министров.

ражение его глаз. Глубоко сидящие в орбитах, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они пристально и долго смотрели на меня, словно Распутин пытался произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, увидев впервые. Затем он резко закинул голову вверх и стал рассматривать потолок, обводя его по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол, но все время молчал.

Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я наконец обратился к нему, сказав: «Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра».

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатления. **Распутин как-то глупо, деланно, полуидиотски осклабился**, пробормотал: «Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната», — и опять замолчал, закинув голову вверх, и все смотрел на потолок».

Сцена эта нуждается в небольших комментариях.

Осмотрительный Коковцов пригласил в качестве свидетеля на эту встречу с Распутиным своего зятя Валерия Николаевича Мамонтова, но тот задержался, и Владимир Николаевич нервничал.

Он не скрывает антипатии к гостю с **«отвратительным выражением глаз»**, который **глупо, деланно, полуидиотски** улыбается, **показывая зубы...**

Однако свои ощущения и диалог автор мемуаров воспроизводит, по-видимому, достаточно точно, и в результате (против его воли) вместо отвратительного чудовища, которому не хватает «лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине», перед читателем возникает Григорий Ефимович Распутин во всей полноте совершающегося юродства.

Увидев, что Коковцов беспокоится, как бы не оказаться загипнотизированным, пока не появился зять, Распутин демонстративно начинает разглядывать вначале потолок комнаты, а потом пол.

Из томительного состояния, в которое поверг его ответ Распутина, Коковцова выводит приход Мамонтова. Тот целует с Распутиным и сразу берёт быка за рога, поинтересовавшись, действительно ли Распутин собирается уехать домой?

«Вместо ответа Мамонтову, Распутин снова уставился на меня в упор своими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой:

«Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня...».

Я сказал ему: «Да, конечно, вы хорошо делаете, если уедете. Плетут ли на вас или говорят одну правду, но вы должны понять, что не здесь ваше место, что **вы вредите государю, появляясь во дворце** и в особенности рассказывая о вашей близости, давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений».

Прервем ещё раз цитату.

Владимир Николаевич Коковцов умело выдвигает против Распутина самое страшное в глазах самого Григория Ефимовича обвинение: «Вы вредите государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости»...

— Кому я что рассказываю, — неловко начинает оправдываться он. — Всё врут на меня, всё выдумывают! Нешто я лезу во дворец? Меня туда зовут!

И вот тут-то и вступает в диалог Валерий Николаевич Мамонтов.

— Ну что греха таить, Григорий Ефимович, ты и сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, — вкрадчивым голосом говорит он. — А в том оно, что **не там твоё место, не твоего ума дело ставить и смещать министров да принимать всех кому не лень идти к тебе со всякими делами да просьбами**, и писать о них кому угодно...

Очень важны здесь выделенные слова...

«Не твоего ума дело»...

Это ключ к разгадке причины травли Распутина.

5

К сожалению, даже и современные историки патриотического направления, пытаясь реабилитировать Распутина, стараются доказать, будто Григорий Ефимович никак не влиял на государственные назначения и на ход государственных дел...

Всё-таки это не так.

Разумеется, нелепо представлять влияние Распутина в фельетонной стилистике памфлетов, но разве оно реализовалось только в виде указаний пьяного чудовища совершенно безвольному государю?

Как пишет С. С. Ольденбург, Николай II интересовался, как Распутин отзывается на те или иные вопросы государственной жизни; в его ответах он чувствовал нередко подлинную «связь с землёй». Правда, Ольденбург прибавляет тут же, что «особого значения его отдельным мнениям государь, конечно, не придавал», но это уже реверанс в сторону либерально-демократической публики, никак не украшающий серьёзного историка.

Что значит – не придавал особого значения? Как мы уже говорили, Николай II вообще мало чьим отдельным мнениям – отсюда и бесчисленные сетования мемуаристов! – придавал особое значение.

Тем не менее все мнения были важны для выработки окончательного решения. И в этом смысле мнение Григория Ефимовича, в ответах которого чувствовалась подлинная «связь с землёй», конечно же, тоже учитывалось им.

Уместно напомнить тут, что Григорий Ефимович Распутин, находясь рядом с царской семьёй и оказывая ей (лечение наследника) действительно неоценимые услуги, сумел накопить денег только на деревянный дом в родном селе Покровское. Дом был хороший, крепкий, но таких домов и в Покровском было порядочно... А ещё? А больше ничего не осталось от легендарных богатств Распутина...

Распутин, располагая доверием государя, не преследовал никаких личных интересов, не выпрашивал для себя должностей и званий, его задачей было разрушение того средостения, которое всегда существовало между русскими императорами и русским народом и которое только в правление последнего императора начало разрушаться. И в этом смысле Распутина можно считать частью плана устроения Святой Руси, который с Божией помощью осуществлялся Николаем II.

Поэтому-то преуменьшать влияние Распутина на государя не следует. Много для государя без Распутина осталось бы скрытым, хотя, по мнению Коковцова, Мамонтова и множества подобных им, **не его ума было это дело.**

Вообще-то давать или не давать рекомендации – это личное дело каждого отдельного человека. Когда великий князь Александр Михайлович возле ещё не остывшего тела императора Александра III рекомендует молодому государю список лиц, на которых он может опереться, это никого не возмущает, это нормально. А вот протекция Распутина – это уже не его ума дело...

Да ведь и не государственные директивы писал Георгий Ефимович, к его рекомендациям, как это делал, например, Пётр Аркадьевич Столыпин, можно было и не прислушиваться.

В чём же дело? Да только в том, что в рекомендациях Распутина преобладала простонародная составляющая, это и возмущало великосветскую публику.

И, наверное, именно поэтому и раздували либеральные журналисты и историки миф о распутинщине, пронизывающей русскую государственную жизнь, что в лице Распутина происходило оттеснение от власти лиц, которые, рассуждая о народном представительстве во власти, менее всего хотели, чтобы власть в России, действительно, становилась народной и русской.

«Распутин, пока говорил Мамонтов, сидел с закрытыми глазами, опустив голову, и упорно молчал. Подали чай. Распутин набрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами.

Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я сказал: «Напрасно вы так упорно смотрите на меня, ваши глаза не производят на меня никакого действия. Давайте лучше поговорим. Ответьте мне: разве не прав Валерий Николаевич (Мамонтов. – Н. К.), говоря вам то, что он сказал?»

Распутин глупо улыбнулся, заерзал на стуле, отвернулся от нас обоих и сказал: «Ладно, я уеду, только уж пушай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо».

Я хотел перевести разговор на другую тему. Стал расспрашивать Распутина о состоянии продовольственного дела в Тобольской губернии – в тот год там был неурожай. Он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно. Но стоило мне сказать ему: «Вот так-то лучше, можно и обо всем договориться», как он опять съежился, стал закидывать голову или опускать ее, бормотал какие-то бессвязные слова: «Ладно, я худой, уеду, пушай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то да другое про того да про другого...» Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места, сказал: «Ну вот и познакомились, прощайте», – и ушел от меня...

Казалось бы, сравнивать Петра Аркадьевича Столыпина с Григорием Ефимовичем Распути-

ным нелепо. Что общего можно обнаружить у представителя древнего дворянского рода и простого мужика, у высокообразованного государственного деятеля и человека, едва овладевшего грамотой, у смелого реформатора, возглавляющего правительство гигантской империи, и старца, молитвенника, человека, позиционирующего себя как духовного наставника...

Кажется, нет тут никаких точек соприкосновения, но тем не менее и Столыпин, и Распутин – оба близки императору Николаю II, оба они, хотя и каждый по-своему, необходимы государю для создания новой России, оба они будут убиты врагами этой новой России...

Удивительно, но Пётр Аркадьевич Столыпин, хотя он, разумеется, имел отличный послужной список: Ковенский уездный предводитель дворянства Ковенской губернии, губернский предводитель, гродненский губернатор, саратовский губернатор; совершает головокружительный скачок в карьере не столько из губернаторского кресла, сколько из той глубинки народной жизни, где чудом Божиим разрушалось средостение между царём и народом.

Момент этот сам Пётр Аркадьевич описал в письме жене от 28 июня 1904 года: «Только что проводил Государя и усталый пишу тебе. Все обошлось прекрасно... Говорили речи Мельников, А. Д. Юматов (от земства), городской голова, но лучше всех сказал волостной старшина, которому я велел самому придумать слово... Он сказал: «Прими, Ваше Величество, хлеб-соль от своих крестьян, не тужи, Царь-Батюшка, мы все за тебя».

В этом же письме П. А. Столыпин описывает ещё одну случайную встречу государя, произошедшую в Кузнецке...

«Он среди крестьян узнал одного бывшего семёновца-конвойного, сказал, что помнит, что ходил с ним на съёмку, но что тогда он был без бороды. Крестьяне в восторге.

Вообще, кажется, всё хорошо. И государь был, видимо, доволен...»

Меньше чем через год Пётр Аркадьевич был вызван телеграммой в Царское Село. Сразу распространился слух, что Николай II прочит его в министры иностранных дел.

Прощаясь перед отъездом, Столыпин сказал:

– Интересно знать: откуда исходит это предложение? Если от Совета министров, то я поста-

раюсь немедленно вернуться обратно; если же из Царского Села, – я останусь там.

Оказалось, что предложение исходило действительно от государя.

Вспоминая встречу в Кузнецке, он сам выбрал П. А. Столыпина, чтобы он «по-провинциальному», «по-саратовскому» делал петербургскую работу. И Николай II не ошибся и тут.

Именно с помощью П. А. Столыпина удалось Николаю II завершить крестьянскую реформу, начатую отменой крепостного права его дедом, Александром II.

Самому Петру Аркадьевичу это стоило собственной жизни...

7

«Россия пала и потому, что среди её высшего класса, аристократии оказалось слишком мало людей, подобно ему (Столыпину. – Н. К.) сознательно готовых на жертву, – отмечает биограф Столыпина Г. П. Сидоровнин, – «белая кость» была тронута тлением распада. Может, Столыпина и принимали с трудом оттого, что его мужественный облик, его дела и поступки раздражали знатных особ, были укором для них».

Это объяснение не исчерпывает всей проблемы, потому что часть её заключалась в характере самого Столыпина.

«Теоретически рассуждая, П. А. Столыпину недостает, может быть, только того, чем он был так богат: удачи, – писал в марте 1911 года обозреватель газеты «Новое время» Михаил Меньшиков. – Трудно припомнить у нас более быструю и ослепительную карьеру, чем та, которую сделал премьер-министр. Ни биография В. К. Плеве, ни даже капризная судьба гр. С. Ю. Витте не идут в сравнение с судьбой г. Столыпина. Из простых губернаторов попасть в управители всего правительства – это, кажется, ещё первый случай после эпохи временщиков. И, что всего замечательнее, выбор оказался вообще удачным. Удача преследовала г. Столыпина и дальше. Трагедия нашей революции прошла над самой его головой, но он вышел благополучно из катастрофы. Он унаследовал, правда, уже разгромленный бунт, но имел счастье дожидаться заметного «успокоения». Увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова, всей интеллигенцией, начинаем катиться влево. Вот тут удача как будто и оставляет своего любимца. Повидимому, П. А. Столыпиным пропущен какой-то психологический момент...

В общем, дело так складывается, что под ногами власти как будто нет материка. Нет гранитной в себе уверенности, нет достаточных точек опоры в земле, в истории, в народе. А. Столыпина обвиняют слева в национализме, патриотизме и тому подобных скверных вещах, и он как будто конфузится иногда этих обвинений. Он, конечно, выше того, чтобы оправдываться, но все-таки укоры слева как будто сдерживают его в исповедании своей настоящей веры. В политике П. А. Столыпина нет ясно выраженного стиля».

Так получилось, что, сам того не подозревая, Михаил Осипович Меньшиков дал тут не только оценку отдельного этапа работы, а подвёл итог всей деятельности Петра Аркадьевича Столыпина в целом.

Не пытаясь проанализировать всё многогранное и чрезвычайно плодотворное служение Петра Аркадьевича России, отметим только, что М. О. Меньшиков пронизательно и очень точно уловил главную его слабость.

Пётр Аркадьевич, безусловно, являлся патриотом Великой России, и тем не менее и родством, и культурой, и воспитанием он столь прочно был связан с тронутой тлением распада «белой костью», что зачастую не узнавал, а порою и не хотел узнавать той Руси, которая устраивалась благодаря его трудам.

Видимо, это и называл Михаил Осипович Меньшиков отсутствием «ясно выраженного стиля»...

Хотя именно Николай II привлёк Петра Аркадьевича Столыпина к руководству империей и сумел сохранить его на этом посту вопреки всем интригам своего окружения, сам Столыпин не слишком-то высоко оценивал роль государя и склонен был приписывать той же императрице-матери спасительные для него, премьер-министра, решения.

Николай II видел это, но по свойственной ему деликатности ни разу не выказал своего недовольства, хотя понятно, что такое отношение человека, проводившего его национальную политику, было ему неприятно.

8

Особенно ярко стремление Столыпина дистанцироваться от государя, показать свою особую значимость и независимость проявилось, когда Николай II попытался сблизить его с Распутиным.

Первая попытка сделать это была предпринята после трагедии на Аптекарском острове...

12 (25) августа 1906 года, возле дачи премьер-министра остановилось ландо, из которого вылезли мужчина в штатском и два жандарма с портфелями в руках. Они уверенно направились в приёмную, но генерал-майор А. Замятин, заведовавший охраной Столыпина, обратил внимание, что жандармы были в касках старого образца, и начал спускаться, чтобы разобраться, в чём тут дело.

– Ваше превосходительство! – крикнул ему охранник. – Неладно!

Но генерал Замятин среагировать на этот крик не успел.

– Да здравствует геволуция! – картаво закричал жандарм и бросил свой портфель на пол.

Взрывом разворотило весь фасад дома... Людей, которыми была заполнена приёмная, разнесло в клочья, и даже на дорожках парка валялись куски человеческих тел.

Кроме бывшего пензенского губернатора С. А. Хвостова и управляющего канцелярией московского генерал-губернатора А. А. Воронина, погибли совершенно случайные люди: женщина на восьмом месяце беременности, вдова, которая пришла с маленьким сыном хлопотать о пособии... Пособие вдове не понадобилось – ручку мальчика нашли после взрыва на дорожке в саду.

На балконе, прямо над крыльцом, сидели двое детей Столыпина, дочь Наташа и трёхлетний Аркадий вместе с няней, воспитанницей Красностокского монастыря Людмилой Останькович.

Четырнадцатилетняя Наташа Столыпина попала под копыта обезумевших от ранения лошадей, впряжённых в ландо, превратилась в калеку, а у трёхлетнего Аркадия Столыпина оказалось переломано бедро. Няня погибла.

Разорванными в клочья оказались и сами террористы, а также швейцар, охранник и генерал-майор Замятин.

Пётр Аркадьевич Столыпин на этот раз осмелился остаться живым, чем возбудил очередную волну негодования у передовой интеллигенции. Более того, через неделю, 19 августа 1906 года, он провёл свой «Закон о военно-полевых судах», сумевший если не остановить, то притушить террор.

Вот тогда-то, чтобы поддержать Петра Аркадьевича и помочь его дочери, и написал Николай II письмо своему премьер-министру...

«Петр Аркадьевич,

На днях я принял крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, который поднес мне икону.

Он произвел на её Величество и на меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.

Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать вас и благословить вашу больную дочь иконой. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе...

Николай
Петергоф
16 окт. 1906».

П. А. Столыпин принял Г. Е. Распутина в Зимнем дворце, где теперь жил, но принял, только чтобы выполнить просьбу императора. Аудиенция длилась несколько минут и никакого сближения двух едва ли не самых важных для Николая II людей не произошло. Аристократическое воспитание помешало Петру Аркадьевичу разглядеть в крестьянине из Сибири то, что увидел в нём государь-император.

Более того, через несколько лет Столыпин стал едва ли не главным гонителем Распутина. Убедив себя, что близость Распутина к семье Романовых возбуждает дурные толки и пересуды, Столыпин, если и не организовал, то санкционировал полицейскую слежку за старцем, чтобы добыть компрометирующие материалы...

9

По воспоминаниям Марии Петровны Бок, отец якобы рассказывал ей, что он не раз пытался открыть государю глаза на Распутина: «Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: “Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы”. Конечно, всё дело в этом. Императрица больна, серьёзно больна; она верит, что Распутин один на всём свете может помочь наследнику, и разубедить её в этом выше человеческих сил. Ведь как трудно вообще с ней говорить. Она если отдаётся какой-нибудь идее, то уже не отдаёт себе отчёта в том, осуществима она или нет».

Разумеется, говорить так об императрице государь мог только в представлении дочери Петра Аркадьевича, но тем и интересно это воспоминание, что оно показывает, как высока была

предубеждённость против Григория Ефимовича в семье Столыпиных.

Существуют предположения, что П. А. Столыпин планировал, применив закон, позволяющий министру внутренних дел высылать мошенников, пьяниц, развратников, выслать Распутина из столицы в административном порядке. Но пока шли приготовления, Распутин, чтобы не ставить государя в положение, когда ему придётся выбирать между ним и Столыпиным, предпочёл сам уехать в Покровское.

Надо сказать, что само это перемещение Распутина, сделавшегося вдруг невидимым для многочисленных филёров, прикрепленных к нему, является чудом...

Увы... Ничего не вышло из замысла государя сблизить двух едва ли не самых важных для него людей. И произошло это не по вине Распутина.

Есть свидетельства, что последний раз Григорий Ефимович видел Петра Аркадьевича в Киеве 1 сентября 1911 года, когда тот проехал мимо него в закрытом автомобиле в Киевский городской театр.

– Его преследует смерть! – крикнул тогда Распутин.

Предвидение не обмануло его. Через два часа в антракте спектакля «Сказка о царе Салтане» Мордко Гершович Богров в упор дважды выстрелил в Петра Аркадьевича Столыпина.

Так произошла непоправимая для Российской империи трагедия. В полувековой юбилей отмены крепостного права убили человека, который пытался завершить начатую пятьдесят лет назад реформу.

Глава седьмая

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, КОТОРУЮ МЫ ПРОИГРАЛИ

За минувшее столетие написано множество книг, посвящённых эпохе правления Николая II. К сожалению, авторы большинства из них, рассказывая о реальных событиях, не могут проследить всю цепочку причинно-следственных связей, и происходит это даже не по их вине, а просто потому, что существенные элементы этих связей выпадают из аппарата материалистического анализа, которым пользуются эти исследователи. И в результате исчезает из исследования и сам подвиг царя-мученика.

Более того...

К имени Николая II, этого воплощения смиренномудрия и доброты, и сейчас ещё пытаются приклеить кличку Кровавый, а правление его изобразить как самое несчастное правление в истории императорской России.

И это вопреки неоспоримому факту, что в ходе николаевского правления наша страна превращалась в процветающее, мощнейшее государство мира, а само понятие о деспотизме и несвободе уходило в далёкое предание!

1

Задача очернения самого Николая II и его эпохи во многом облегчается тем, что Российская империя проиграла Первую мировую войну и якобы по вине Николая II рухнула в пропасть революций...

Только ведь для этого надобно согласиться с шулерским передёргиванием фактов, нужно позабыть, что в пропасть революций Россия рухнула, когда Николая II вынудили отречься от престола, а поражение в войне произошло по вине тех, кто заставил государя подписать отречение...

И можно рассуждать, что государь виноват уже тем, поскольку допустил беспорядки, но подробный разговор об этом в следующей главе, а пока скажем только, что Николая II вынудила уйти в отставку русская правящая аристократия, которая видела, во что превращается воздвигаемая императором страна, и которая понимала, что в этой стране места для неё не будет.

Поразительно, но только сейчас, спустя сто лет после войны, вглядываясь в события Первой мировой войны, начинаешь постигать, как, во многом благодаря мудрости и самоотверженности императора Николая II, рождалась победа в той войне, которую Россию заставили проиграть.

В войне, которую до революции называли у нас Второй Отечественной, легко выделить четыре основных этапа. Первый, начальный этап длился примерно полгода и вместил в себя блистательные победы и оглушительные поражения.

20 августа между городами Гумбиннен (нынешний Гусев) и Гольдап⁵ произошло Гумбиннен-Гольдапское сражение. Хотя соотношение сил перед сражением было не в пользу русской армии, 1-й армии генерала П. К. Ренненкампа

удалось нанести поражение 8-й германской армии. Решительный успех был одержан благодаря 25-й пехотной дивизии генерал-майора Павла Ильича Булгакова и 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Августа-Карла-Михаила Михайловича Адарида, которые разгромили корпус Макензена и обратили его в бегство.

«Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа, – писал Уинстон Черчилль. – Русские контратаки 3-го корпуса, тяжёлые потери Макензена вызвали в 8-й армии панику, она покинула поле сражения, оставив своих убитых и раненых, она признала факт, что была подавлена мощью России».

Действительно, 20 августа возникла реальная угроза разгрома 8-й германской армии, и уже вечером того же дня генерал фон Притвиц принял решение оторваться от противника и уходить за Вислу.

Однако Верховное германское командование предпочло другое стратегически ошибочное для себя решение. Оно перебросило на русский фронт шесть корпусов, три из которых – 11-й армейский, Гвардейский резервный корпуса, 5-й армейский корпус – были сняты с самого ответственного участка западного фронта и в результате не участвовали в битве на Марне, исход которой мог привести к полному разгрому Франции.

Кроме того, 21 августа Хельмут фон Мольтке сместил Притвица и назначил на его место генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга.

Результат нам известен.

13 (26) августа началось Таненбергское сражение.

Пауль фон Гинденбург нанес мощные удары по фланговым корпусам 2-й армии Александра Васильевича Самсонова. Две дивизии 6-го корпуса потеряли 7 500 человек и в беспорядке отступили. Правый фланг армии генерала А. В. Самсонова оказался открытым, но из-за отсутствия надёжной связи генерал Самсонов не получил информации об этом, и центральные корпуса продолжали наступление, сами себя загоняя в мешок.

Между тем штаб Северо-Западного фронта, полагая, что корпуса 2-й армии А. В. Самсонова уже отошли к границе, остановил продвижение выдвинувшихся на помощь левофланговых корпусов и кавалерии 1-й армии П. К. Ренненкампа. К моменту, когда Самсонов отдал приказ об

⁵ Город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство.

отходе своих корпусов, пехота Ренненкамппа находилась от них на расстоянии около 60, а кавалерия – 50 километров.

В результате 17 (30) августа 17 пехотных полков 2-й армии (около 30 тысяч человек при 200 орудиях) оказались окружены в районе Комусинского леса.

Командующий армией 54-летний генерал Александр Васильевич Самсонов застрелился. Генерал Николай Николаевич Мартош был захвачен в плен немецкой кавалерией, вышедшей в тыл русским войскам. Генерал Николай Алексеевич Ключев пытался тремя колоннами вывести войска из окружения, но две колонны были разбиты, и Ключев отдал приказ о сдаче в плен. Остатки 2-й армии отступили за реку Нарев.

Русские потери составили 6 тысяч убитых, около 20 тысяч раненых, 30 тысяч пленных. Немецкие потери убитыми и ранеными составили 30 тысяч человек.

Об этом поражении в основном и писали наши учебники истории, рассказывая о Первой мировой войне. Это было несомненное поражение, но можно ли считать его немецкой победой?

Мы говорили, что с французского фронта на русский было переброшено тогда шесть корпусов, три из которых Хельмут фон Мольтке снял с самого ответственного участка западного фронта, окончательно изменив соотношение германских и французских войск накануне решающей для исхода всей Первой мировой войны битвы. По сути, это была стратегическая ошибка немцев.

Уже в начале сентября 1914 года во фланг рвущейся в направлении Парижа 1-й немецкой армии генерала Александра фон Клука ударила сформированная из резервов 6-я французская армия генерала М. Манури, и 9 сентября Вильгельм II отдал приказ армиям правого фланга отступить.

Битва на Марне оказалась проигранной.

Виновника этого поражения Хельмута фон Мольтке 14 сентября 1914 года сняли с поста начальника Полевого генерального штаба.

Получается, что, проиграв Танненбергское сражение, мы помогли выиграть стратегическое сражение на Марне.

И тут возникает вопрос, надо ли было спасать Францию?

Если исходить из известных нам итогов Первой мировой войны, зная поведение той же Франции по отношению к России, ответ однозначен. Но это уже историческое брюзжание, а не

стратегия. На войне союзников спасать необходимо, потому что поражение твоего союзника – твоё поражение.

Конечно, Англия или Америка воюют иначе, но их стратегия определяется географией. Чтобы воевать так цинично-расчётливо по отношению к союзникам, как они, нужно находиться на острове или вообще на другом материке.

Россия, как известно, такого счастья не имеет. Все немецкие корпуса, которые были завязаны на французском фронте, в случае поражения Франции оказались бы развёрнуты против русской армии.

Итак, потеряв армию Самсонова, Россия вместе с союзниками одержала стратегическую победу, не позволив разгромить Францию.

2

Не будем забывать и того, что одновременно с Танненбергским сражением шли бои на Юго-Западном фронте, которым командовал Николай Иудович Иванов.

В середине августа произошло сражение между 3-й австро-венгерской и 3-й русской армией генерала Н. В. Рузского на реке Золотая Липа, в котором победа досталась русской армии.

Тогда же соединения 8-й армии генерала Алексея Алексеевича Брусилова разгромили 12-й корпус австрийцев.

21 августа (3 сентября) был взят Лемберг (Львов), четвёртый по величине город Австро-Венгрии. 22 августа (4 сентября) – Галич.

Галицийское сражение, в ходе которого войска юго-западного фронта отразили наступление четырёх австро-венгерских армий в Галиции и Польше и отбросили их за реки Сан и Дунаец, стало очевидной победой русской армии. Потери русских составили 230 тысяч человек, а австро-венгерские войска потеряли 325 тысяч человек.

Поскольку победа в Галиции открывала российским войскам путь в Верхнюю Силезию (важнейший промышленный район Германии), Гинденбург вынужден был перебросить в район реки Варта четыре корпуса 8-й армии и сформировать из них 9-ю немецкую армию, которая совместно с 1-й австро-венгерской армией генерала Виктора Данкля (общая численность 310 тысяч человек) перешла в наступление на Варшаву и Ивангород.

Победы сменялись поражениями, а поражения победы...

Потери исчислялись сотнями тысяч, а никакого перелома в ходе войны ни в ту, ни в другую сторону не происходило. Наверное, это самое страшное и неприятное открытие, которое было сделано в ходе сражений 1914 года...

В лодзинском сражении и в Сражении на четырёх реках (Бзуре, Равке, Пилице, Ниде) в Польше в декабре германские потери превысили 100 тысяч человек. Русские потери оказались в два раза больше.

Разгоревшаяся война оказалась совсем не похожа на ту войну, которую все ожидали. Тёмные и неясные предчувствия приходили на смену безоглядному всенародному подъёму, который владел страной в первые дни войны...

*Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть...*

Это написал 8 сентября 1914 года Александр Блок.

Но вместе с этими недобрыми предчувствиями, рождалась и новая идеология Отечественной войны. С Божией помощью должно было выполниться страшную, но неизбежную работу, чтобы совершить в себе необходимое преобразование и привести к победе Святую Русь...

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

*Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови...*

Стихотворение написал в ноябре 1914 года вольноопределяющийся лейб-гвардии уланского полка Николай Степанович Гумилёв.

3

В 1915 году, на втором этапе войны, в корне изменилась немецкая стратегия.

Германия перешла на Западе к оборонительной войне и сосредоточила на восточном фронте 107 австро-германских дивизий (в начале войны против России воевало лишь 49 дивизий). Эта мощная группировка должна была наступать на восток, чтобы вывести Россию из войны.

Зеркально повторилась ситуация с тем, что происходило полгода назад во Франции, только вот союзники, в отличие от России, с помощью спешить не стали.

«Мы, – признавался впоследствии Ллойд Джордж, – предоставили Россию её судьбе».

19 апреля 1915 года Пауль фон Гинденбург, планируя взять в окружение сразу семь русских армий, одновременно с ударом армейской группы фельдмаршала Макканзена на Люблин-Холм на севере нанёс удар по Наревскому фронту.

Началось Великое отступление Северо-Западного фронта.

23 июля (5 августа) под звуки «Ещё Польша не сгинела» полки 9-й германской армии Леопольда Баварского вступили в покинутую русскими войсками Варшаву.

2 августа пала Митава. Немцы вышли на подступы к Риге.

Всего в летнюю кампанию 1915 года Русская армия потеряла убитыми и ранеными 1 410 тысяч человек, а пленными – 976 тысяч человек.

При этом максимум потерь пришёлся на май и летние месяцы, когда главнокомандующий великий князь Николай Николаевич растерялся и полностью потерял нити управления войсками.

Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский вспоминал, как в эти дни он вошёл в купе великого князя и увидел его, уткнувшегося в подушки, вздрагивающего от рыданий.

– Батюшка, ужас! – воскликнул он в ответ на вопрос, что с ним. – Ковно отдано без боя... Комендант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает... При таком положении что можно дальше сделать?! Ужас, ужас!..

И тогда, видя растерянность главнокомандующего и неумение его предотвратить военную катастрофу, 23 августа 1915 года император Николай II принял Верховное командование армией на себя.

«С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины

до конца и не посралим Земли Русской» – гласил его приказ по армии и флоту от 23 августа 1915 года.

«История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения победы, – писал Антон Антонович Керсновский в своей «Истории русской армии». – Но она никогда ещё не встречала венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только тернии».

Уезжая в Могилёв, государь, подобно герою стихотворения Николая Степановича Гумилёва, записал в своём дневнике: «Господь да благословит поездку мою и решение мое!».

Он испрашивал этого благословения подобно тысячам других тружеников войны, идущих по полям, размокшим от крови...

4

Николай II принял верховное командование едва ли не в самый критический момент войны, когда положение на фронте вплотную приблизилось к катастрофе.

27 августа германская кавалерийская группа под командованием генерала О. фон Гарнье вошла в разрыв между 10-й и 5-й русскими армиями и развернула наступление в направлении Свенцяны, Молодечно с задачей выйти в тыл 10-й русской армии.

1 (14) сентября кавалеристы О. фон Гарнье захватили Вилейку и пошли в районе Сморгони по тылам 10-й русской армии. 6 (19) сентября немцы заняли Вильно и устремились в направлении Борисова и Минска.

В этих условиях, когда фронт буквально обрушивался, Николай II сумел остановить панику и спасти армию. К району прорыва было переброшено несколько армейских корпусов, и уже 19 сентября (2 октября) 2-я армия генерала Владимира Васильевича Смирнова ликвидировала Свенцянский прорыв.

Существует множество воспоминаний и исторических книг, повествующих о том, каким малопригодным к должности верховного главнокомандующего был государь.

При этом как-то упускается из виду, что это именно Николаю II меньше чем за месяц после своего вступления в должность удалось стабилизировать фронт на линии Рига – Двинск – Ба-

рановичи – Дубно – Тернополь, и отсюда русские войска не отступали вплоть до отречения государя.

Да... **Такой** войны в России не ожидали и не были готовы к ней, как, впрочем, не были готовы к **такой** войне и другие воюющие страны. Огромными были человеческие потери, гигантскими материальные затраты.

Наступил момент, когда стало не хватать боеприпасов и оружия для этой небывалой прежде войны, но Николай II и тут сумел сделать невероятное. В условиях войны благодаря пяти Особым совещаниям, созданным для руководства экономической жизнью страны, он сумел перестроить военную промышленность России, и только в 1915 году в три раза выросло производство винтовок, примерно в шесть раз – производство орудий, а различных видов боезапасов – в пять раз.

«Мало эпизодов Великой войны, более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году, – писал Уинстон Черчилль. – К лету 1916 года Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной, которая в течение 1915 года пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников выставить в поле – организовать, вооружить, снабдить – 60 армейских корпусов вместо 35, с которыми она начала войну».

Причём сделано это было – не побоимся этого слова! – как-то удивительно безболезненно для страны.

Да... В армию было призвано уже 15 миллионов мужчин. В стране насчитывалось 3 миллиона 300 тысяч беженцев.

Но при этом (фантастика!) Россия – единственная из стран, участвовавших в Первой мировой войне, которая так и не ввела продуктовых карточек на хлеб.

Когда за полтора года войны цены в России выросли на 43 процента по сравнению с довоенным июлем 1914 года и начались волнения думской общественности, министр земледелия А. Н. Наумов, выступая перед депутатами, вынужден был объяснять, что «в империи имеется до девятьсот миллионов пудов избытка главнейших хлебов». Только 16 сентября 1916 года в Петрограде началась выдача талонов на мясо – три фунта (больше килограмма) в одни руки, а

20 сентября было опубликовано положение Совета министров об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение цен на продовольствие или предметы первой необходимости.

В России работало более 120 тысяч школ, в которых обучалось около 8 миллионов детей.

Конечно, тяготы для населения война вызвала, но только 6 (19) апреля 1916 года в связи с истощением государственного бюджета из-за всё возрастающих военных расходов был введён подоходный налог, который не распространялся на лиц со средним заработком менее 850 рублей в год.

Любопытно упомянуть тут, что в тот же день было введено ещё одно ограничение. Московский губернатор издал постановление о запрете хранения кокаина.

Поразительно, но в России и во время войны практически не ограничивалась деятельность прессы и других демократических институтов.

Мы привели стихи Александра Блока и Николая Гумилева, но выходили ведь в годы войны и совсем другие сочинения.

В январе 1915 года, когда на оледенелых берегах Бзуры и Равки гибли сотни тысяч русских солдат, Игорь Северянин выпустил сборник стихов «Ананасы в шампанском»:

Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо́ и острó!
Весь я в чём-то норвежском!
Весь я в чём-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

В конце августа 1915 года, когда над русской армией нависла катастрофа, Александр Иванович Куприн выпустил повесть «Яма», рассказывающую о тяжелой жизни проституток.

Нет нужды обвинять Игоря Северянина или Александра Куприна в какой-то злонамеренности, но нечто зловещее в их равнодушии к трагедиям, которые претерпевает армия их страны, конечно, присутствует. Ещё это свидетельство того, что никаких действительных предпосылок для недовольства, а тем более, для волнений в тылу не было. Не было их и на фронте.

Император Николай II, как писал историк Сергей Сергеевич Ольденбург, «довел Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог».

Военные успехи на этом «пороге победы» очевидны.

22 мая (4 июня) 1916 года в Неделю святых отцов Первого Вселенского Собора началось наступление Юго-Западного фронта, возглавляемого генералом Алексеем Алексеевичем Брусиловым, которое вошло в историю под названием «Брусиловский прорыв».

15 (28) июля стало самым кровопролитным и самым, как считают историки, ярким днём Первой мировой войны. Левофланговые корпуса армии генерала Алексея Максимовича Каледина совершенно разгромили при Кошеве 4-ю австро-венгерскую армию генерала Карла Терстянски. Особую роль в этом сражении сыграл 8-й корпус генерала Владимира Михайловича Драгомирова, выведшего в этом бою «военное искусство из тупика позиционного застоя».

В целом же в ходе Брусиловского прорыва русские войска взломали австро-германскую оборону на всём её протяжении, от Припятских болот до румынской границы, и продвинулись вперёд, освободив большие территории. За два с половиной месяца боёв противник потерял более одного миллиона ранеными и убитыми и ещё 272 тысячи австрийских солдат попали в плен. Русские потери ранеными, убитыми и пропавшими без вести оказались в три раза меньше.

До недавнего времени в наших учебниках истории принято было говорить не об успехе Брусиловского прорыва, а о том, что командование не сумело воспользоваться успехом и не реализовало всех открывающихся взгляду историков перспектив.

Наблюдение совершенно справедливое, если, конечно, не учитывать того обстоятельства, что Ставке приходилось воевать не на бумаге, а в условиях реальной войны, где реальные «овраги», про которые забывают теоретики, мешают осуществлению их гениальных замечаний.

Как бы то ни было, но Брусиловский прорыв стал выдающимся успехом русской армии, и огромная заслуга в проведении и осуществлении его принадлежит верховному главнокомандующему Николаю II.

Несомненным успехом летней кампании 1916 года стала и Эрзинджанская операция армии генерала Н. Н. Юденича, в результате которой в районе Мамахатуна было нанесено тяжёлое поражение 3-й турецкой армии. Её потери составили более 100 тысяч человек.

Хотелось бы подчеркнуть, что хотя и известно достоверно об участии Николая II в планировании и проведении боевых операций, но роль его как монарха не ограничивалась этим.

Присутствие царя в армии, его постоянные поездки на линию боевых действий укрепляли и одухотворяли армию.

Снова, как в дни Саровских торжеств, разрушалось средостение между государем и его подданными, и происходила та мистическая встреча царя и народа, которой столько столетий ждала Русь.

И если взглянуть в события 1916 года без выработанного антирусской пропагандой предубеждения⁶, то за грохотом разрывов и свистом пуль неимоверно тяжёлой войны начинаешь различать не только одержанные тогда Россией победы, но и национальный смысл её, который только в единении царя и народа и мог раскрыться.

29 ноября (12 декабря) 1916 года, когда Германия направила державам Антанты ноту, в которой сообщила, что государства Центральной Европы готовы к переговорам, Николай II издал приказ по армии и флоту, в котором говорилось, что время мира ещё не наступило, «враг ещё не изгнан из захваченных им областей, достижение Россией созданных войной задач: обладание Царградом и проливами... обще не обеспечено».

Более того...

За визгливыми криками думских ораторов о предательстве правительства, о страданиях и тяготах помощников присяжных поверенных вдруг ясно открывается, что 1916-й, последний предреволюционный год, был годом реального решения кардинальных национальных задач...

Ведь именно в последний год своего правления Николаю II удалось завершить дело, которое в первые дни его царствования помешал ему совершить С. Ю. Витте.

21 сентября (4 октября) на берегу незамерзающей Кольской бухты был основан Романов-на-Мурмане⁷, первый в России порт, открытый в северные моря и Атлантический океан. А через полтора месяца, 3 (16) ноября 1916 года, открылось движение по железной дороге Петроград – Мурманск, построенной за двадцать военных месяцев.

⁶ Хотелось бы отметить тут, что как большевистская пропаганда, так и белоэмигрантская в массе своей оценивали деятельность императора Николая II одинаково отрицательно.

⁷ С 1917 года – Мурманск.

То, что с трудом различаем мы сейчас, столетие спустя, ясно различали те тёмные силы, которые не могли допустить, чтобы произошло возрождение Святой Руси.

Хорошо сказал об этом Павел Николаевич Милуков, один из главных идеологов заговора, помешавшего России переступить через порог победы. Вспоминая мартовские события сразу после октябрьского переворота, он признался: **«Того, что случилось, мы не хотели.** (Здесь и далее выделено нами. – Н. К.) Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть, **преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев.**

Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, **заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы.**

Надо признаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что и произошло потом. Да мы и сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии.

Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону – теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов.

Результаты Вы видите сами.

Само собою разумеется, что вожаки Совета рабочих депутатов ведут нас к поражению и финансовому экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций помимо полной своей бессмысленности уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками и подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для изобретателей.

Не буду излагать Вам, зачем все это было им нужно, кратко скажу, что здесь играла роль частью сознательная измена, частью желание половить рыбу в мутной воде, частью страсть к популярности. Но, конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершив-

шееся лежит на нас, то есть на блоке партий Государственной Думы.

Вы знаете, что **твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны**. Заметьте также, что **ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая** (1917 года. – Н. К.) **наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования**.

Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спрашиваете Вы...

Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказали, что **народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие агитирующие за республику делают это из страха**.

Все это ясно, но признать этого мы просто не можем.

Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись»⁸.

Это поразительное признание.

Вспомним, что 1 ноября 1916 года на открытии зимней (последней) сессии Думы П. Н. Милюков произнёс речь, послужившую, по его собственному признанию, «штурмовым сигналом к революции». Прогрессивный блок устами своего лидера обвинил императрицу в измене: «Что это? Глупость или измена?».

И вот этот человек – что это? Глупость или предательство? Ради «преобладающего в стра-

⁸ Дело «Каморры народной расправы». Т. 3, конверт с изъятыми у И. В. Ревенко письмами. Полностью письмо опубликовано в моей книге «Гибель красных Моисеев». М.: Вече, 2004.

не влияния интеллигенции и равных прав евреев» – таких целей, кажется, не ставила больше ни одна революция в мире! – стремиться разрушить огромную страну вместе со всей её интеллигенцией.

Это помрачение П. Н. Милюкова сродни зловещему равнодушию Игоря Северянина и Александра Куприна, оно навеяно тёмными силами, стремящимися не допустить возрождения Святой Руси в её Божией силе.

И первый удар эти тёмные силы нанесли по православному государю в Петрограде 17 декабря 1916 года...

7

Страшно и сейчас, столетие спустя, вчитываясь в подробности убийства, совершённого по наущению английской разведки мерзавцами из высших аристократических кругов.

17 декабря 1916 года князь Феликс Феликсович Юсупов, женатый на племяннице Николая II, заманил Григория Ефимовича Распутина в свой дворец на Мойке и там убил его.

Присутствовали при этом великий князь Дмитрий Павлович, а так же знаменитый помещик-черносотенец Владимир Митрофанович Пуришкевич, сумевший расколоть Союз Русского народа, и... школьный друг Юсупова, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер⁹.

Ещё были в Юсуповском дворце поручик **Сергей Михайлович Сухотин** и врач **Станислав Сергеевич Лазоверт**, но, по-видимому, они являлись простыми подручными. Вольноопределяющийся **Сергей Сухотин**¹⁰ (мачехой его была Татьяна Львовна Толстая) находился в Петрограде по ранению и якобы лечился в англо-русском госпитале, находившемся во дворце великого князя Дмитрия Павловича, управляли

⁹ В своих воспоминаниях Ф. Ф. Юсупов Освальда Рейнера не называет. Имя его как участника и организатора убийства Г. Е. Распутина обнаружено английской разведкой.

¹⁰ В 1932 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» появилась статья, автор которой произвёл С. М. Сухотина в поручики лейб-гвардии Преображенского полка, но тут же журнал вынужден был напечатать опровержение: «Милостивый государь господин редактор, в № 19 журнала «Иллюстрированная Россия» от 27 февраля с. г., в статье «Дело об убийстве Распутина», в числе участников убийства поименован поручик Преображенского полка Сухотин. В целях установления исторической точности имею честь уведомить Вас, что в Л.-Гв. Преображенском полку офицера Сухотина не состояло, о чем прошу Вас поставить в известность читателей редактируемого Вами журнала. Прошу принять уверения в совершенном уважении и таковой же преданности. А. Гулевич, председатель Союза Преображенцев».

которым связанные с английской разведкой леди Сибил Грей и леди Мюриэл Пэдджет. Ну, а врач **Станислав Сергеевич Лазоверт** работал заведующим медицинской частью санитарного поезда, организованного В. М. Пуришкевичем.

Подлое убийство Феликс Юсупов подробно описал в книге «Конец Распутина». Разумеется, сочинение это было написано, чтобы доказать, будто вместе с великим князем, бывшим черносотенцем и офицером английской разведки он пытался тогда спасти Россию, но эта ложь не нуждается сейчас даже и в опровержении. А вот в непосредственном описании злодеяния содержатся подлинные детали, которые проливают свет, как на нутро самого убийцы, так и на природу юродства Григория Ефимовича.

Юсупов, который планировал завершить обучение на офицерских курсах при Пажеском корпусе как раз к завершению войны, понимал, что убивать своего гостя даже и такому титулованному мерзавцу, как он, это, как бы сказать, не совсем порядочно, поэтому перед описанием убийства он начинает говорить о «чувстве безграничной жалости к этому человеку», которое вдруг охватило его: «Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его завлекаю к себе. Он – моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне»...

Впрочем, тут же угрызения совести сменяются у великовозрастного курсанта любопытством: «Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание, и он не видит того, что против него замышляют»...

И хотя Распутин, пытаясь предотвратить преступление, говорит Юсупову:

– Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется – всё одна зависть да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорён я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь всё время просветлял. Вот и Хвостову не удалось – наказали и прогнали его. Да, ежели только тронут меня – плохо им всем придётся.

Юсупов отмечает, как жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель, но больше ничто не смущает его.

Отныне убийство превращается для него в забавную игру-угадайки.

«В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему.

В первый момент он от них отказался:

– Не хочу – сладкие больно, – сказал он.

Однако вскоре взял один, потом второй...

Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим».

Не так уж и много описано в мировой литературе типов убийц-отравителей столь же омерзительных, как князь Юсупов.

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать, как ни в чём не бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался».

23

8

Сам Юсупов не понимает, что происходит, то есть он не понимает не только того, отчего не умирает отравленный Распутин, а не понимает, что Распутин, отказываясь вначале от пирожков, а потом от вина, тоже производит над ним опыт. Он предоставляет Юсупову возможность отказаться от совершения преступления, а, когда тот не желает воспользоваться спасительной возможностью и продолжает настаивать на своём, съедает все начинённые ядом пирожки сразу.

Как известно, яд в желудке Распутина при вскрытии не был обнаружен. Выдвигаются различные объяснения. Одни говорят, что цианид был нейтрализован сахаром или высокой температурой при приготовлении в печи. Другие считают, что яда вообще не было, и он появился, чтобы запутать (это каким же таким образом?) следствие.

Нам представляется, что всё было гораздо проще. Иногда и яд на человека не действует, и в огне он не сгорает... Известны по Житиям святых такие случаи...

«Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую

себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

– Ну, давай попробую, – сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда – тоже не знаю.

Он выпил с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлён. После пробы вина он разошелся:

– Давай-ка теперь мадеры, – попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

– Наливай в эту.

– Ведь нельзя, Григорий Ефимович, не вкусно всё вместе – и красное и мадера, – возразил я.

– Ничего, говорю, лей сюды...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Вошедши во вкус питья, Распутин уже не протестовал».

Если бы Феликс Юсупов придумал этот диалог, его можно было бы причислить к выдающимся писателям – так тонко, так чётко воссоздана здесь попытка (юродивого? святого?) спасти погибающего человека.

Когда, не зная почему, Юсупов протягивает ему рюмку с неотравленным вином, Григорий Ефимович сразу начинает хвалить его и очень удивляется, что у хозяина-отравителя целый погреб неотравленного вина.

И тут убийце-отравителю уж никак нельзя дальше продолжать своё подлое дело, тут по всем канонам христианства нужно бы покаяться злодею, чтобы попытаться спасти свою душу.

Только как же спасти то, чего нет в человеке, что давно продано то ли англичанам, то ли самому дьяволу?

И когда решил проверить Распутин, совершилось ли раскаяние, и попросил налить мадеры, оказалось, что ничего не изменилось, по-прежнему полон Юсупов злобы и убийства...

Более того...

Уже и не остановить этого человека, то и дело вспоминающего дьявола и ни разу – Господа...

В бесовском остервенении Юсупов разбивает пустую рюмку, чтобы передать Григорию Ефимовичу ещё одну рюмку, начинённую ядом...

«Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особым вкусом, присущим знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате, и на мой вопрос, что с ним? – сказал, что «так, пустяки, просто першит в горле».

Прошло несколько томительных минут.

– Хорошая мадера. Налей-ка ещё, – сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: «старец» разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в неё вино и подал Распутину.

Он и её выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья, и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить ещё и ещё.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались и, казалось, говорили мне:

– Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мною не можешь поделать.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы. Никогда ещё не видал я его таким страшным. Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить».

9

Повторю, что придумать такое может только великий художник.

Злодей, отравитель, убийца различает ненависть и злобу в человеке, которого он пытается отравить.

Человеку, исполняющему волю дьявола, начинает казаться, что его невинная жертва смотрит на него дьявольскими глазами!

Это уже почти на уровне Ф. М. Достоевского...

Но Феликс Юсупов, разумеется, не принадлежал к числу великих писателей, этот великосветский мерзавец просто записал то, что видел, то, что врезалось ему в память навсегда...

В дьявольском исступлении он травил человека, который был послан царской семье и всей России, чтобы спасти царскую династию и Российскую империю, он всаживал пули в этого человека, он бил его гирей по голове, а Распутин не умирал, потому что знал, что ждёт и царскую семью, и всю Россию.

Но муж племянницы императора, великий князь, бессарабский помещик-черносотенец и офицер британской разведки всё-таки убили его.

Они планировали скрыть убийство, но каждое движение встающего после очередной попытки Григория Ефимовича Распутина оставалось запечатлённым.

И как задрожали веки на его лице несколько минут спустя после выстрела Юсупова, и как, проваливаясь в снег, бежал он к воротам, а Пуришкевич, вспоминая уроки, взятые в тире, стрелял и стрелял в него из пистолета, и как пытался он развязать верёвку, уже будучи сброшенным в Неву...

И не могло не сохраниться, потому что в своём последнем юродстве-предсказании показывал, как будет умирать преданная её выродившейся элитой Российская империя.

До обрыва в пропасть ей оставалось чуть больше двух месяцев...

Глава восьмая ОТРЕЧЕНИЕ

Ранним утром 28 февраля 1917 года вышли из Могилёва с часовым интервалом литерные поезда. В первом – помещалась свита императора, во втором – следовал и сам Николай II, и его личная охрана.

Перед отбытием из Ставки император беседовал с генералом Николаем Иудовичем Ивановым, отправляющимся с восьмью сотнями георгиевских кавалеров наводить порядок в Петрограде.

Говорили, что радикальные настроения захлестывают Государственную думу, и Александр Фёдорович Керенский ещё 14 февраля 1917 года призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию. Ответ Николая II был тогда быстрым и жёстким. В ночь с 26 на 27 февраля 1917 года сессия Государственной думы была прервана.

Однако всё тот же Александр Фёдорович Керенский не успокоился, на Совете старейшин

Думы 27 февраля он призвал не подчиняться царской воле. Керенский утверждал, что на этом этапе революции авторитет Думы достиг наивысшей точки, и её отказ созвать официальное заседание был бы равносителен политическому самоубийству...

Кроме того, начались волнения, связанные с временными перебоями в снабжении Петрограда хлебом, и самое главное – революционная агитация проникла в расквартированные в Петрограде запасные батальоны гвардейских полков.

Об этом и говорил император с генералом Ивановым, отправляя его с георгиевскими кавалерами, чтобы навести порядок в столице.

Прежде всего надо было разобраться с запасными батальонами, не желающими покидать «тёплые казармы» и выделять маршевые роты на фронт. Следовало лишить революционных смутьянов этой военной поддержки!

Для этого и назначался Николай Иудович главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и с подчинением ему всех министров.

Беседа с генералом затянулась до трёх часов ночи, и утром 28 февраля император встал в своём поезде только в десять часов.

Погода была морозная, солнечная.

Днём благополучно миновали Вязьму и Ржев, но, когда 1 марта в два часа ночи царский поезд прибыл в Малую Вишеру, там всё ещё стоял свитский поезд. Императору доложили, что Любань и Тосно заняты восставшими запасными ротами лейб-гвардии Литовского полка и дальше дороги нет – на путях завалы.

Решено было вернуться в Бологое, чтобы проследовать в Царское Село через Старую Руссу, Дно и Вырицу. На станцию Дно император вызвал Председателя Государственной думы Владимира Михайловича Родзянко.

Однако в Старой Руссе поступило сообщение о повреждении моста на Виндавской дороге, и литерные поезда пошли на Псков, чтобы выйти к Царскому Селу по Варшавской дороге через Лугу и Гатчину.

Было ли сообщение о повреждённых мостах дезинформацией, неизвестно.

Но совершенно определённо известно, что решение императора вернуться с фронта в «революционный» Петроград вызвало настоящую панику среди заговорщиков.

1 марта на имя командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского в 17 часов 15 минут пришла из Ставки телеграмма, в которой содержалась просьба доложить государю о беспорядках в Кронштадте, о восстании в Москве и о признании Балтийским флотом Временного комитета Госдумы. Под телеграммой стояла подпись генерал-квартирмейстера Александра Сергеевича Лукомского.

Ещё через полчаса помощник начальника штаба Ставки генерал Владислав Наполеонович Клембовский передал главнокомандующему Северным фронтом Николаю Владимировичу Рузскому просьбу генерала Алексеева и великого князя Сергея Михайловича убедить государя в необходимости образования ответственного министерства во главе с В. М. Родзянко.

Эта телеграмма была не столько инструкцией, сколько сигналом к действию.

Генерал Рузский, который уже давно состоял в заговоре, сразу переехал на железнодорожный вокзал и разместился в стоящем на запасном пути штабном вагоне.

На вокзале было выставлено оцепление.

В 20 часов 00 минут, когда литерный поезд «А» прибыл в Псков, его сразу загнали в глухой тупик на неосвещённые пристанционные пути...

1

То, что он попал в ловушку, император понял, когда в 21:00 к нему явился главнокомандующий Северным фронтом Николай Владимирович Рузский.

Рузский держался нехорошо. Он рассказывал о волнениях в Петрограде, об эшелонах генерала Иванова, которые задерживаются на станциях, говорил, что Гатчина и Луга тоже заняты восставшими, и всё время отчаянно трусил.

Потом он ушёл, а в 23:00 вернулся с проектом Манифеста о создании Министерства, ответственного перед верховной властью, и все тянул, тянул время, уговаривая государя не принимать жёсткие меры к наведению порядка в восставшем Петрограде.

Он напирал на то, что это может плохо отразиться и на порядке на железных дорогах, и на семье государя, которая сейчас, возможно, находится в руках восставших.

Может быть, Николай Владимирович Рузский и хотел немножко шантажировать императора, но он, действительно, не слишком-то и преувеличивал опасность, в которой находилась тогда царская семья.

«Никогда не забуду ночи, когда немногие верные полки (Конвой Его Величества, Гвардейский Экипаж и Артиллерия) окружили дворец, т. к. бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко Дворцу, – вспоминая эти дни, писала фрейлина Анна Вырубова. – Императрица вечером сидела у моей постели. Тихонько завернувшись в белый платок, она вышла с Марией Николаевной к полкам, которые уже готовились покинуть дворец, и, может быть, они ушли бы в эту ночь, если бы не Государыня и её храбрая дочка, которые со спокойствием до 12 часов обходили солдат, ободряя их словами и лаской».

1 марта великий князь Кирилл Владимирович увёл эти полки.

«Караулы ушли... – свидетельствует Вырубова. – По дворцу бродили кучки революционных солдат, которые с интересом все рассматривали, спрашивая у оставшихся слуг объяснения. Особенно их интересовал Алексей Николаевич. Они ворвались к нему в игральную, прося, чтобы им его показали».

Разумеется, Николай Владимирович Рузский не знал всех деталей, но в целом рисовал реальную картину происходящего в Царском Селе.

Государь не перебивал генерала. Молча, он слушал человека, которого ещё вчера и заподозрить не мог в предательстве, и глаза его тускнели.

В 0 часов 20 минут он подписал телеграмму на имя генерала Н. И. Иванова: «До моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать».

Вырвав у императора эти гарантии безопасности¹¹, Рузский помчался докладывать о своём успехе председателю Государственной думы В. М. Родзянко.

Может быть, тогда, после его ухода, и записал император в «Дневнике»: «Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»

¹¹ В ночь на 2 марта навстречу генералу Н. И. Иванову, движущемуся с эшелонем Георгиевского батальона, выехал командированный начальником генерального штаба генерал-майором Занкевичем полковник Доманевский. Встреча произошла на станции Вырица. Полковник Доманевский доложил ему обстановку в Петрограде. Узнав о ситуации в Петрограде и руководствуясь полученным от Николая II распоряжением, Иванов остановился на станции Выра, а 3 марта, когда стало известно об отречении императора, отправился назад в Могилёв.

А тем временем в 3 часа 30 минут ночи начались переговоры, которые вели генерал Рузский и председатель Государственной думы Родзянко.

Лента переговоров сразу же передавалась в Ставку, и запись этих переговоров сохранилась.

Когда выяснилось, что верные государю георгиевские кавалеры не появятся в Петрограде, Владимир Михайлович Родзянко сразу осмелел и заявил, что ехать в Псков не собирается.

Генерал Рузский попытался выяснить причину и сообщил о возможности создания Министерства, ответственного перед верховной властью.

«Очевидно, что Его Величество и вы не отдаете себе отчёта в том, что здесь происходит, – надменно ответил Родзянко. – Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко. Манифест запоздал, ночью 2 марта я вынужден был сам назначить Временное правительство».

На вопрос Рузского о судьбе династии Родзянко ответил:

«Грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием!»

Изоляция государя в Пскове...

Остановка войск, которые могли пресечь мятеж...

Заговорщики переступили рубеж, за которым измену уже нельзя списать ни на обстоятельства, ни на растерянность. Они сбросили маски и открыто играли теперь на опережение.

Ответственное Министерство заговорщикам было уже не нужно, теперь они требовали отречения государя.

Около 10 часов утра Николай Владимирович Рузский сообщил Николаю II о результатах переговоров с Владимиром Михайловичем Родзянко.

Император лично прочитал телеграфные ленты.

– Я считаю, Ваше Величество, – сказал Рузский, – что нужно идти на все уступки и сдаваться на милость победителя. Надо давать полную конституцию, иначе анархия будет расти, и Россия погибнет!

2

Близкие к императору люди замечали, что под влиянием гнева или каких-то сильных переживаний задумчивые серо-голубые глаза его выцветают, тускнеют, расширяются, становятся не-

подвижными. В такие минуты казалось, что, заглядывая в них, заглядываешь в леденящий, бесконечный холод вечности...

Ещё невольному свидетелю казалось в эти мгновения, что сам император ничего не чувствует, ничего не замечает.

Именно таким увидел государя 2 марта 1917 года вошедший без доклада в его вагон дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков.

– Неужели верно то, что Ваше Величество подписали отречение? – спросил он.

Вместо ответа император протянул пачку телеграмм.

«Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, отказаться от Престола в пользу Государя Наследника цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет»...

Не дочитав телеграмму генерал-адъютанта Брусилова, Воейков перевернул её. Следующая телеграмма была от генерал-адъютанта Эверта: «Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество во имя спасения Родины и Династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Телеграммы прислали командующие фронтами и флотами...

«Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины. Вице-адмирал Непенин».

«Войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований относительно

отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Генерал-адъютант Алексеев».

Тут же находилась телеграмма и от великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осеня Себя крестным знаменем, передайте Ему – Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой, молю Бога подкрепить и направить Вас. Генерал-адъютант Николай».

– Даже он! – проговорил Николай II, и впервые голос его дрогнул.

Отпустив Владимира Николаевича Воейкова, он пригласил к себе лейб-хирурга, профессора Сергея Петровича Фёдорова и попросил откровенно рассказать о состоянии здоровья наследника.

– Боюсь, что он проживёт лет до шестнадцати, не больше! – помявшись, ответил Фёдоров.

– До шестнадцати... – повторил Николай.

Потом он сказал, что хотел бы теперь пожить в России простым обывателем. Воспитывать сына...

– Едва ли малолетнему царю, Ваше Величество, разрешат остаться с отцом... – возразил Сергей Петрович.

– Да! – кивнул Николай II. – Наверное, вы правы...

Император произносил слова, которые запомнились его собеседникам, но они ничего не значили, потому что государь, разговаривая с ними, думал о другом.

Наверное, вспоминал он о Григории Ефимовиче Распутине, который один только и умел излечивать царевича Алексея от приступов страшной принесённой из Англии болезни. Наверное, думал о том, что Распутина два месяца назад убили подкупленные английской разведкой Феликс Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, императрица писала тогда, что эти «юноши» собираются убить и её... А вся император-

ская семья, все великие князья встали горою на защиту подлых убийц...

Можно предположить, что в томительные часы, проведённые в псковском тупике, вспомнил Николай II, как шестнадцать лет назад ездил с императрицей Александрой Фёдоровной в Гатчинский дворец, где хранился пакет с пророчествами монаха Авеля, заточённого Екатериной II в Шлиссельбургской крепости...

Его пророческое предсказание «о судьбах державы Российской» и царской династии было вложено императором Павлом в конверт с наложением личной печати и собственноручной надписью.

Ещё утром, собираясь в Гатчину, царская чета относилась к предстоящей поездке как к праздничной прогулке, обещавшей доставить развлечение.

И вот, отслужив панихиду, вошли в небольшую залу, посередине которой на пьедестале стоял узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Вокруг ларца на четырёх столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шёлковый шнур, сам ларец был заперт на ключ и опечатан.

Николай II открыл ларец и вынул пакет...

«Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины»... – было написано на нём рукою императора Павла, убитого на английские деньги великосветскими заговорщиками.

Весёлым вошёл император Николай II в Гатчинский дворец 11 марта 1901 года, а вышел удручённым.

Точного содержания предсказания никто так и не узнал, но после этой поездки Николай II стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для династии...

Конечно, это только наши предположения, о чём думал последний российский император в своём поезде, загнанном в псковский тупик.

Но ведь, с другой стороны, и не думать, не вспоминать об этом он не мог!

3

Часто приходится слышать адресуемый государю упрёк, дескать, если бы он был более решительным и смелым, он мог бы взять войска, сохранившие верность присяге, и разогнать смутьянов и бунтовщиков, как это сделали бы, к примеру, Наполеон или Николай I.

Нет, не мог! Императора загнали в ловушку, и никто, ни Наполеон, ни Николай I, не могли бы ничего сделать, оказавшись на его месте.

Сличая свидетельства участников мартовских событий, пробираясь сквозь пустоту умолчаний и нагромождения лжи, каждый раз приходишь к выводу, что императором Николаем II было сделано всё возможное и невозможное, чтобы спасти и страну, и династию, и самого себя.

Ложь, будто он был мягким и бездеятельным. И никакого бездействия не было со стороны Николая II. Он делал всё, чтобы спасти и страну, и династию. Приостановил заседания Думы, послал войска на усмирение волнений.

Но всё это ничего не давало. Приказы императора искажались и не выполнялись. В заговоре оказалось практически всё его окружение, всё руководство армией и государством.

Императора Николая II во второй половине февраля 1917 года можно было уподобить взрослому человеку, увидевшему детей, играющих со спичками возле бочек с порохом. И увещеваний эти до невменяемости расшалившиеся дети не слышат, и силой отбирать спички рискованно, дети грозятся зажечь их.

А те люди, которых он посылал, чтобы отобрать спички, сами начинали разводить костерки, требуя, чтобы он ушёл.

Конечно, это был заговор, конечно, это была измена, но это было ещё и помрачение.

Ведь человек, вступивший в заговор и задумавший измену, всегда предполагает получить выгоду от своего предательства. А какую выгоду от «преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев» мог получить великий князь Николай Николаевич? Или генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев?

Ну ладно, великий князь... Он не случайно заслужил прозвище Лукавый. Его честолюбие и жажда власти действительно не имели границ.

Но генералы!

Ведь все они – и Владислав Наполеонович Клембовский, и Николай Владимирович Рузский – считали себя – вот уж поразительная гибкость психики! – убеждёнными монархистами и, конечно же, только в полном помрачении могли делать то, что они делали.

Забегая вперёд, скажем, что эти генералы ненамного переживут преданного ими императора.

Уже 25 марта 1917 года Николай Владимирович Рузский будет отставлен друзьями-заговорщиками с поста главнокомандующего фронтом и

уедет в Кисловодск, и 1 ноября 1918 года его выведут на Пятигорское кладбище, где председатель Северо-Кавказской ЧК товарищ Георгий Александрович Атарбеков (Атарбемян), как простому барану, перережет кинжалом генералу горло.

А за три недели до этого, 8 октября 1918 года, задохнётся в тифозном бреду другой борец за «преобладающее в стране влияние интеллигенции и равные права евреев», член масонской «Военной ложи» генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев...

Зато бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский, структурировавший генерала Рузского, как ему следует поступить с государем в Пскове, переживёт их и умрёт в московской тюрьме только в 1921 году.

Но 2 марта 1917 года ни Николай Владимирович Рузский, ни Михаил Васильевич Алексеев, ни Владислав Наполеонович Клембовский ещё ничего не знали о судьбе, которую они выбрали для себя.

В этот страшный для России вечер заговорщики не скрывали своего торжества.

29

4

Ничего не происходит в мире вопреки воле Божией, и гибель романовской династии тоже должна иметь духовное объяснение.

В трёхсотлетней темноте корней династии и самозванец Гришка Отрепьев, **человек дома Романовых**, и патриарх Филарет, принявший в 1605 году из рук **своего** дворового человека митрополичий сан. Напомним, что после гибели Отрепьева митрополит Филарет сам участвовал в прославлении мощей подлинного царевича Дмитрия, но это не помешало ему через три года принять патриаршее достоинство из рук второго самозванца, еврея Богданко.

При внуке Филарета, царе Алексее Михайловиче, произошёл церковный раскол. Инициированные якобы политической целесообразностью – шло объединение России с Украиной – церковные Соборы второй половины XVII века унифицировали церковный обряд. Древний Студийский Устав, по которому жила все предыдущие века Русская православная церковь, был признан порождением невежества и объявлен не вполне православным. И косвенным, и самым прямым образом обвинения в «неполной» православности коснулись и всего Собора русских

святых, тоже живших якобы «не вполне православно».

Последствия тех церковных Соборов – а решения их были отменены только постановлением Собора 1971 года! – оказались катастрофическими для Святой Руси. Подобного вреда России не могло нанести никакое открытое чужеземное вторжение.

После расправы с соловецкими иноками Алексей Михайлович прожил шесть дней. Гонения на раскольников продолжил его сын Фёдор, который умер через две недели (он был вдвое моложе отца!) после сожжения пустозёрских узников. Начатую реформу пришлось завершать другому сыну Алексея Михайловича – Петру I.

Разумеется, Петру I и его преемникам удалось достигнуть грандиозных успехов в военном и государственном строительстве. Весь вопрос в цене, которой были оплачены эти успехи. Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя, чтобы основная часть населения, сами русские находились в рабстве в своей собственной стране.

И, конечно же, именно тогда и был нанесён сокрушительный удар по национальному самосознанию. Порабощение и унижение Русской православной церкви; жесточайшие расправы над всеми, кто выказывал малейшее уважение к русской старине; упорное преследование русской одежды; окончательное закрепощение русских крестьян – это тоже Пётр I. А в противовес – неумеренное, незаслуженное возвышение иноплеменников, хлынувших со всех сторон в Россию, обезьянье копирование заграничных манер и обычаев...

Всё это привело к тому, что в общественном сознании укрепилась мысль о предпочтительности всего иностранного, о бесконечной и дремучей отсталости всего русского. **Быть русским стало** не только не выгодно, но как бы и **не совсем культурно...**

Трудно назвать случайностью совпадение смертей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича с казнями соловецких и пустозёрских староверов, произведённых этими царями...

Но череда совпадений тут не заканчивается.

Введение Единоверия, снявшего запрет на употребление старых обрядов (этого и добивались соловецкие иноки), совпадает по времени (правление императора Павла) с прекращением вакханалии дворцовых переворотов...

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступле-

ний, совершённых против православия, Алексеем Михайловичем, Петром I и их преемниками? Несомненно...

Императору Павлу, его сыну Николаю I, его внукам и правнукам пришлось употребить воистину героические усилия, чтобы вернуть страну на естественный путь развития, чтобы неограниченное своевольное самодержавие Петра I и его преемников ввести в рамки монаршего служения Богу и народу. Однако исправить просчёты имперского проекта Павловичи-императоры, хотя все они и заплатили своими жизнями за это, не успели. И не могли успеть, потому что и сами, и всё ближайшее окружение, и дворянство, на которое они продолжали опираться, и были продуктами этих просчётов.

И кровью своей, и образованием, и привычками они были связаны с теми силами, которые мешали России вернуться на её русский путь...

Только последние русские императоры Александр III и Николай II сумели, кажется, понять, что исправление ошибок государственного устройства империи следует начинать с самого себя, чтобы снова, как во времена Святой Руси, совпадали пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства.

За это вместе с патриотическими движениями и был предан Николай II и «передовой», либеральной интеллигенцией, и аристократией, и высшим командованием армии, за это и предстояло ему принять мученическую кончину.

Кажется, единственному из Романовых-императоров, Николаю II, удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали и (вот оно чудо!) единственному предстояло войти в сонм благоверных князей.

У истока династии, прошедшей путь от Ипатьевского монастыря до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял патриарх Филарет – отец царя Михаила Фёдоровича.

Внуком патриарха Филарета был изгнан патриарх Никон. Правнуком – отменено патриаршество вообще.

Николай II думал о восстановлении патриаршества, но – такова, видно, была Господня воля – совершится это должно было после окончательного уничтожения династии, родоначальник которой принял патриарший чин из рук самозванца.

Так и случилось...

Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола.

Николай II не мог знать этого 2 марта 1917 года, подписывая отречение, но похоже, что он понимал всё, чему назначено случиться...

Да и не мог же Николай II не вспоминать в эти дни и о том, что династия Рюриков, более шестисот лет правившая Русью, завершилась убиением святого благоверного царевича Дмитрия...

Годуновы правили всего семь лет, но и их династия завершилась зверским убийством пятнадцатилетнего царя Фёдора II Борисовича Годунова, составившего первую карту русских земель.

А сами Романовы...

Ветвь царя Ивана Алексеевича, правившего вместе с Петром I, завершается убийством в Шлиссельбурге императора Иоанна Антоновича, всю свою жизнь с самого раннего младенчества безвинно просидевшего в тюрьмах...

5

Весь этот день в Пскове прошёл в ожидании делегации Думы – Александра Ивановича Тучкова и Василия Витальевича Шульгина – но они прибыли только в десятом часу вечера.

На Владимира Николаевича Воейкова, встречавшего гостей, делегаты произвели впечатление людей немых и небритых. Крахмальное бельё их было, словно бы специально, чтобы понравиться сопровождавшим их рабочим и солдатам, испачкано.

Находящаяся на станции публика начала кричать делегатам «ура!».

– Какая неуместная выходка! – возмущённо сказал Воейков, но комендант Пскова генерал-лейтенант Ушаков произнёс с самодовольной улыбкой:

– Нужно-с привыкать... Теперь другие времена настали-с.

Николай II принял делегатов в салоне.

Внимательно выслушал он доклад Александра Ивановича Гучкова о положении в столице.

Гучков, открыто ненавидевший Николая II и распространявший на гектографе в качестве агитационного материала попавшие в его руки через Илиодора письма Григорию Распутину от императрицы и великих княжон (письма были невинными, но сопровождалась гнусными ком-

ментариями), был послан в Псков, чтобы ещё сильнее унижить и оскорбить государя.

– Что же Дума считает сейчас желательным? – спросил император, когда сын совладельца торгового дома «Гучкова Ефима сыновья» и француженки, неторгующий купец и злобный дуэлянт, прозванный императором за неумеренные амбиции Юань Шикаем, замолчал.

– Отречение Вашего Императорского Величества от престола в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича! – дерзко ответил Гучков.

– Александр Иванович! – угодливо встрял тут в разговор Рузский. – Это уже сделано!

Однако Николай II словно и не услышал Рузского.

– Считаете ли вы, что своим отречением я внесу успокоение? – спросил он.

Получив утвердительный ответ, государь сказал:

– В три часа дня я принял решение отречься от престола в пользу моего сына, Алексея Николаевича, но теперь, подумав, пришёл к заключению, что я с ним расстаться не могу, и передаю престол брату моему – Михаилу Александровичу.

37

Эти слова императора прозвучали столь неожиданно, что Гучков растерялся.

Задумав революцию, заговорщики, как это было принято в России, хотели провести её тайно.

Если бы государь передал престол сыну, вроде бы никакой революции и не произошло бы. Всё бы оставалось на своих местах, только власть бы на время малолетства царевича перешла бы, конечно, в руки нужных людей. А далее понятно было, что царевич сейчас, когда наконец-то убит Распутин, долго не проживёт, и его естественная смерть освободит страну от монархии уже навсегда. Тихо и мирно... Никаких волнений, а ненавистное самодержавие будет ликвидировано. Так складно всё было продумано. И теперь Николай II, не зря Гучков так не любил его, путает всё.

– Но мы к этому вопросу не подготовлены! – воскликнул Гучков. – Разрешите нам подумать.

– Думайте! – сказал император и вышел из салона...

Через полчаса он передал депутатам текст телеграммы, которую следовало отправить в Ставку начальнику штаба генералу Алексееву:

«...В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы даем Наследие Наше брату Нашему великому Князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу горячо любимой Родине».

Ночью 3 марта царский поезд наконец-то выехал из тупика, куда загнали его по приказу генерала Рузского.

Николай II прошёл в кабинет и, усевшись за письменный стол, раскрыл свой дневник. Поезд уже набрал скорость, и вагон чуть пошатывало. В этом пошатывающемся вагоне и описал последний русский император события последнего дня царствования своего и всей династии Романовых...

«2 марта 1917 г. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста.

Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговаривал и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена, и трусость, и обман!»

Удивительно точно перекликаются эти слова с молитвой святого праведного Иоанна Кронштадтского, составленной Всероссийским ба-

тюшкой вскоре после совершённого на него покушения: «Господи, спаси народ Русский, Церковь Православную, в России погибающую: всюду разврат, **всюду неверие, богохульство, безначалие!** Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты – Вседержитель»...

Вот и в дневнике Николая II возникает это возносимое к Богу моление, но захлёбывается в тяжком воздухе всеобщего предательства и измены, ибо моление это государю можно вознести только тем мученическим подвигом, который ещё предстоит совершить ему.

Странное ощущение испытывает человек, взявшийся за чтение дневника последнего императора и обнаруживший, что в основном здесь записи о внутрисемейных событиях, а о делах государственных говорится вскользь, сухо, только записываются для памяти имена наиболее важных собеседников...

И лишь постепенно, иногда многие годы спустя, понимаешь, что государь и не мог вести свой дневник иначе. Ведь Николай II управлял страной не по собственному своеволию, а по Закону, так, как было необходимо, так, как и должен управлять настоящий государь!

Он в дневнике своём являет нам пример величайшего самообладания и собранности. При всём старании не обнаружить тут никакой рефлексии, ничего суетного, ничего недостойного высокого царского служения.

Он таким и был.

И даже во время отречения он оставался великим государем великой державы и вёл себя, как и должен вести государь. Кругом обнаружили измена, и трусость, и обман, но этим и ограничивалось возмущение, больше никакой рефлексии, почти никаких эмоций...

Путь царского поезда лежал через Двинск, назад в Могилёв.

Наступало 3 марта 1917 года. В этот день – «вплоть до Всероссийского учредительного собрания» – отрёкся от престола великий князь Михаил Романов.

«Миша отрёкся, – записал в дневнике Николай II. – Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»

Это, кажется, самое сильное выражение в дневнике императора.

Завершалось по глупости и своеволию великосветского общества правление династии Романовых в России, и впервые преданный государь не сумел справиться с эмоциями...

Николай Романов – так теперь звали бывшего государя! – не знал, что в этот день, 2 марта 1917 года, явилась в селе Коломенском под Москвой икона Божией Матери «Державная».

Икону эту – Царица Небесная была изображена на ней как Царица земная – увидела во сне крестьянка Евдокия Андрианова. Она разыскала церковь, в которой никогда не бывала раньше, и рассказала настоятелю отцу Николаю о своём сне. Так и была обретена эта икона. Её нашли в подвале церкви, и была она совершенно чёрной, но, когда икону внесли в церковь и промыли от многолетней пыли, все увидели Царицу Небесную, в царской короне, Богоматерь держала в руках скипетр и державу, а Богомладенец благословлял народ...

Хладнокровие Николая II, проявленное им в дни отречения, так резко контрастирует с беснованием уличных митингов и думских совещаний, с помрачением штабов и министерств, что кажется, будто речь идёт о событиях, разделённых целыми эпохами.

Но так и было...

Император жил как бы в другом измерении, и проникнуть туда не помогали ни знатность, ни богатство, ни интриги.

И не слабость государя видится нам в его отречении, а вершина попыток исправить совершённые отцами династии ошибки и нравственное осуществление этого исправления.

Николай II подписал отречение не потому, что поддался на уговоры или испугался угроз. Просто стало ясно в эти дни, что с существующей правящей аристократией построить Русь, которую он воздвигал вместе с православным русским народом, не удастся.

Чтобы завершить работу, совершаемую по воле Божией, стране необходимо избавиться от аристократии, происходящей из созданного первыми Романовыми класса рабовладельцев, аристократии, которая и полвека спустя после отмены крепостного права продолжала оставаться по духу аристократией рабовладельческой империи.

Говорят, что в истории нет сослагательного наклонения...

Это, разумеется, верно, но верно только в узком смысле.

Если же историю рассматривать не только как цепь поступков и деяний, порождаемых своеволием и гордыней отдельных личностей, но попытаться прозреть духовный смысл её, то окажется, что вся история – это история вразумления народов, не желающих слышать и видеть то, что открывает им Господь; что это история неизбежного возвращения народов к тем ситуациям и проблемам, от решения которых эти народы малодушно уклонились.

И неважно, сколько прошло лет или столетий.

Завершая династию, основатели которой непосредственно участвовали в раздувании Смуты, династию, многим обременённую самозванцам, Николай II пошёл по пути страстотерпца Бориса. Командуя дружиной своего отца, равноапостольного князя Владимира, Борис, несмотря на очевидное превосходство в силе, отказался от войны за великокняжеский престол с братом Святополком, пожертвовал собою ради предотвращения разорительной для страны междоусобной войны.

Предательству аристократии, военачальников, министров и интеллигенции Николай II мог сейчас противопоставить только народ, призвав его защитить своего самодержца. Но даже если бы и услышан был его призыв? Чем, кроме моря крови, могла обернуться эта война?

Конечно, как справедливо отмечал Иван Александрович Ильин, Николай II, стремясь избежать гражданской войны, согласился на отречение, и в результате народ вёл гражданскую войну без государя и не за государя...

Понимал ли это последний русский император?

Как свидетельствуют записи в его дневнике и свидетельства близких, понимал.

Но ведь понимал он и то, что хотя жертва страстотерпцев Бориса и Глеба не предотвратила междоусобной войны на Руси, эта жертва предотвратила нечто большее, чем война, – Божий Гнев!

Николай II понимал, что его ждёт. И от этой страшной участи он не пытался скрыться.

Он только молился. И за Россию, и за свою семью, и за себя. Он очень хорошо знал, в чьи руки он отдаёт сейчас себя...

6

Надо сказать, что, в отличие от других деятелей революции, Александр Фёдорович Керенский своего членства в масонской ложе никогда

не скрывал: «Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией... Не велись никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества...

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая – для писателей и так далее. При создании каждая ложа получала полную автономию... На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых – создание программы будущей демократии в России, которая в значительной степени была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, о том, будто некая мистическая тройка масонов (имеются в виду А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко. – Н. К.) навязала правительству, вопреки общественному мнению, свою программу. В действительности же положение в России и настоящие нужды нашей страны обсуждались на съездах масонов людьми, которые вовсе не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководились лишь своей совестью в стремлении найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной (какой нации? – Н. К.) жизни и всегда стремились вопло-

тить в нашей работе чаяния народа (какого народа? – Н. К.)»¹².

В 1913 году сразу же после вступления в масонскую ложу Керенскому было предложено первое испытание.

В Киевском окружном суде рассматривалось тогда дело о ритуальном убийстве евреем хасидом Менделем Бейлисом ученика Киево-Софийского духовного училища Андрюши Ющинского. Все силы прогрессивно-либеральной общественности были брошены на оправдание Менделя Бейлиса, и Александр Фёдорович Керенский, нарушая мыслимые и немыслимые нравственные и юридические нормы и правила, сумел провести на коллегии адвокатов Санкт-Петербурга резолюцию, которая гласила: «Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а так же против возложения на суд чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды. Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России».

Вердикт присяжных, вынесенный спустя пять дней после публикации этого демагогического заявления, гласил, что суду удалось доказать ритуальный характер убийства.

«12-го марта 1911 года в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице и находящегося в заведывании купца Марка Иоанова Зайцева, тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием... раны... а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве 5-ти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище... каковы... вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обезкровление тела и смерть его».

¹² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары: пер. с англ. – М.: Республика, 1993. С. 62–63.

Но вот по второму вопросу: виновен ли в совершении этого преступления Менахиль Мендель Тевиев Бейлис, мнения разделились. Шестеро присяжных признали виновность Бейлиса, шестеро не были убеждены в ней, и в результате Бейлис оказался признанным невиновным.

Насколько подорвало решительность шести присяжных заявление петербургских адвокатов, судить трудно, но карьера Александра Фёдоровича Керенского после этого сразу круто пошла вверх. Тогда-то и взошла на общественно-политическом небосклоне России его звезда.

И вот теперь Керенскому предстояло выдержать следующий экзамен.

Надо было по-масонски, то бишь по «своей совести», расправиться с Николаем II и его семьёй... Отметим, что у Александра Фёдоровича с царской семьёй были свои счёты. 14 февраля 1917 года в своей речи в стенах Государственной думы А. Ф. Керенский открыто призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию.

За всю историю парламентской монархии в России никто ещё не позволял себе заявлять такое по отношению к правящей династии с думской трибуны, и императрица Александра Фёдоровна, со свойственной ей прямоотой, пообещала повесить Керенского на самом высоком суку в царскосельском парке.

7

Сейчас написано великое множество работ, посвящённых трагедии царской семьи, но по-прежнему основной акцент переносится на екатеринбургский финал. И упускается при этом, что сама трагедия началась уже в первых числах марта 1917 года, как-то смазывается и ускользает та очевидная мысль, что без хлопот Александра Фёдоровича Керенского не было бы и екатеринбургского ужаса.

Как известно, 4 марта генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Георгием Евгеньевичем Львовым – А. Ф. Керенский сам пишет об этом в мемуарах «Россия на историческом повороте» – и сообщил, что Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания. Во-первых, в нём была беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами семьи. Во-вторых, бывший император просил гарантировать безо-

пасность временного пребывания в Царском Селе вплоть до выздоровления детей, а в-третьих, гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск). Четвёртая просьба касалась разрешения вернуться после войны в Россию и поселиться в Крымской Ливадии для постоянного проживания, но её по телефону генерал Алексеев озвучивать не стал.

Как писал сам Керенский, «документ этот открывал дорогу к разрешению нашей проблемы». Но так он писал в мемуарах, изданных в Лондоне много лет спустя, а в 1917 году им было сделано всё, чтобы не допустить мирного разрешения «проблемы».

В тот же день, когда бывший император обратился к князю Львову с письмом, отдававшим «Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства»¹³, была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать также и деятельность Николая II и Александры Фёдоровны на предмет вреда, нанесённого интересам страны. Ну, а для того, чтобы комиссия могла успешно выполнить свои обязанности, Керенский потребовал принять к императорской семье меры пресечения.

35

7 марта Николай II и Александра Фёдоровна были лишены свободы, и царская семья оказалась полностью в руках главного борца за права евреев.

И ведь как вовремя ухватил Александр Фёдорович царскую чету!

6 марта Павел Николаевич Милюков встречался с послом Великобритании сэром Джоржем Бьюкененом, чтобы выяснить позицию британского правительства, и 10 марта Бьюкенен сообщил, что британское правительство положительно относится к идее переезда царской семьи в Англию.

Но теперь – следствие началось! – с переездом в Англию следовало погодить.

А там (хотя в ходе работы Комиссией был собран огромный материал, но никаких противозаконных действий со стороны Николая II и Александры Фёдоровны, как, впрочем, и других высших должностных лиц империи, обнаружить не удалось!) 10 апреля 1917 года король Георг V (кстати, он был двоюродным братом Николая II) дал указание своему секретарю лорду Станфордхэму предложить премьер-министру,

¹³ Из протокола допроса А. Ф. Керенского судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым в Париже 14–20 августа 1920 года.

«учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство о том, что правительство Его Величества вынуждено взять обратно данное им ранее согласие».

Без хлопот астральных медведей¹⁴ тут явно не обошлось, и мы так уверенно говорим о масонской составляющей этого решения, потому что Николай II, будучи полковником Русской армии, носил ещё чин английского фельдмаршала и за три года войны сделал очень много для успеха союзнических войск. Достаточно было нескольких статей в газетах, чтобы простые англичане с цветами встретили его в Лондоне.

Но другое дело – «общественность».

Против «общественности» не попрешь! Хотя, наверное, и поглавнее, чем в «Малой медведице», имелись в Лондоне масоны, но хозяева-то у тех и других были одни, и неужто надо было тратить деньги на убийство Григория Ефимовича Распутина, чтобы теперь спасать российского императора?

Кто-кто, а Александр Фёдорович Керенский это понимал...

Забегая вперёд, скажем, что и авторство плана отправить царскую семью в Сибирь тоже целиком принадлежит Александру Фёдоровичу Керенскому.

– Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место, и всё разрешение этого вопроса целиком было поручено мне, – объяснял А. Ф. Керенский на допросе у Н. А. Соколова в Париже. – Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Фёдоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске. Отдалённость Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его удалённости от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нём я и остановился...

¹⁴ Ложа «Малая медведица» осуществляла общее руководство и контроль за действиями масонов в России.

Эти показания Керенского относятся к 1920 году, когда многие эмигранты позабыли уже, что это они и предали государя, и начинали вновь ощущать себя монархистами. При таком настроении общественности суровая масонская правда 1917 года становилась опасной для здоровья, вот и приходилось Александру Фёдоровичу выкручиваться.

Но выкрутиться не удавалось...

Как-то очень дико звучали слова Керенского насчёт удобного дома в Тобольске. Уж чего-чего, а подходящий дом – война пока никак не задела российские земли – можно было найти и в других русских городах.

Еще нелепее звучали объяснения насчёт безопасности пути...

«Я не могу понять, почему везти Царя из Царского куда-либо, кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, – резонно заметил по этому поводу следователь Н. А. Соколов, – а в Тобольск – не через рабоче-крестьянскую Россию»¹⁵.

Это, действительно, понять невозможно, но можно понять, почему говорил так Александр Фёдорович. Увозили царскую семью в самую российскую глубь, во-первых, конечно же, для того, чтобы им невозможно было выбраться оттуда, а во-вторых, для того, чтобы не нести никакой ответственности, если и случится там с ними что-то нехорошее. Ну, понятно, что наказали бы кого-нибудь из охраны, но с непосредственных министров Временного правительства какой спрос? Как доглядишь, как примешь спасительные меры, если такая даль отделяет Тобольск от Петрограда?!

Были, конечно, и другие причины, чтобы выбрать Тобольск, но об этом мы ещё поговорим, а пока вернёмся в Царское Село.

8

«В первый раз я посетил Царское через несколько дней после доставления туда Царя. Это было в конце первой половины марта месяца, пожалуй, 10-12 числа. Я видел тогда Царя, Александру Фёдоровну и Детей, познакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины, – рассказал Керенский на допросе, а потом, день спустя, снова вернулся к сладким для него воспоминаниям: – Я вхожу впервые к ним. Вдали стоит, сбившись в кучу, как бы испу-

¹⁵ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. СПб.: Сирин, 1990. С. 38.

ганная Семья. Ко мне идет нерешительно как-то робко полковник. Скромная фигура, какая-то неловкая, одетая как будто бы в костюм с чужого плеча. Мы сошлись. Было смущение. Он не знал, подавать ли мне руку, подам ли руку я. Я протянул ему руку и назвал: «Керенский». Он сразу вышел из неловкого положения, заулыбался приветливо, повел к Семье. Там рядом с Ним стояла передо мной женщина, в которой сразу же чувствовался человек с колоссальным честолюбием, колоссальной волей, очень упрямый, совершенно Его подавлявший своим волевым аппаратом».

И хотя, как мы уже говорили, Александру Фёдоровичу Керенскому приходилось скрывать свои подлинные поступки и побуждения, но то ли по столь свойственной ему актёрской горячности, то ли по какой-то особой масонской простоватости он то и дело раскрывался, рассказывая, как издевался над своими венценосными узниками.

«После обычных слов знакомства, я спросил Их, не имеют ли Они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передал Им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, **дал некоторые указания руководящего характера.**

Вторично я был в Царском вместе с полковником Коровиченко, которым я заменил коменданта дворца, кажется, Коцебу.

Согласно воле Временного правительства, я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал её для руководства Коровиченко. **Инструкция, установленная мною**, не касаясь подробностей, вводила:

- а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею, от внешнего мира;
- б) полное запрещение свиданий со всеми заключёнными **без моего согласия**;
- в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Кобылинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. Коровиченко, как **лицо, назначенное мною**, который был уполномочен Временным правительством, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала полнота власти.

Вводя указанный режим, я установил в то же время как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны.

Я заявляю, что с того момента, когда **Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства**, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с Нею **черт джентльменства**».

Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства...

Так Керенский называет арест императора и императрицы.

Ну и насчёт «джентльменства» тоже надо сказать. Николай II виделся «джентльмену» Керенскому человеком скрытным, ограниченным, неинтеллигентным, пораженным полным равнодушием ко всему внешнему, претворившемуся в какой-то болезненный автоматизм.

«Когда я взгляделся больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядывало что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность».

«А рядом, — это Керенский уже об Александре Фёдоровне говорит, — мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня, не могла примириться с многим больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие, как она, никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают».

Такими раздавленными, ничтожными и видел, а вернее, хотел видеть Керенский своих пленников, это наполняло его собственным джентльменским величием, и он старался передать своё джентельменство и охране.

«Встав в позу, я обратился к ним с напутственной речью, в которой между прочим сказал: «Помните, солдаты, **лежащего** не бьют».

Скоро все «черты джентльменства» были проявлены Александром Фёдоровичем по отношению к **лежащим** узникам не только на словах:

«Кроме этой меры, была принята ещё вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Фёдоровны, разделение

их. **Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе**, после одного из докладов, сделанного мне по их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Фёдоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с ними в Царском... Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал, приблизительно, с месяца».

Конечно, можно говорить, что Александр Фёдорович не избивал своих узников, не морил их голодом... **Принимаемые им** по отношению к августейшим пленникам **меры** почти никак физически не ущемляли их, они только заставляли постоянно, ежеминутно ощущать его, Керенского, власть над ними.

Сам Керенский упивался своим могуществом, ну, а как чувствовали себя люди, которые всего несколько недель назад правили гигантской империей, Керенского по свойственному ему «джентльменству» интересовало только, так сказать, с познавательной стороны.

«Всмотревшись в эту живую маску, – рассказывал он на допросе у Н. А. Соколова, – понял я, почему так легко выпала власть из его рук: он не хотел бороться за нее. В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь.

«Как я рад, – говорил Николай II старухе Нарышкиной, – что больше не надо подписывать этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми». Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч, и стало свободнее, легче. Вот и все».

Только иронии достойно объяснение Александра Фёдоровича, почему **так легко** выпала власть из рук императора Николая II. Из рук самого Александра Фёдоровича, как известно, власть выпадет ещё легче...

А вот насчёт **воли к власти** интереснее.

Керенский, которого его родная масонская организация, словно ради забавы, обвесила таким множеством высших государственных должностей, относится к власти, как к работе в адвокатской конторе: навёл справки, разобрался, договорился, объяснил, уговорил, произнёс блистательную речь – и можно идти получать заслуженный гонорар!

Керенский даже не понимал, что для Николая II власть была не должностью, а тяжким царским служением, и скинуть его с себя он не мог, поскольку и лишённый власти, он оставался и Царём, и Государем.

Впрочем, хотя Александр Фёдорович, конечно, и не понимал этого, но всё-таки некая адвокатская пронизательность присутствовала в нём, и он отмечал нечто прорывающееся в Николае II сквозь «благодушное настроение».

«Он, действительно, мог быть и был мистиком, – доверительно рассказывал А. Ф. Керенский Н. А. Соколову в Париже. – Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостылело, было безразлично».

Тут, сам того не понимая, Александр Фёдорович попадал почти в точку. Общения с небом Николай II искал. Вернее, и так-то подтянутый и собранный, он ещё более духовно сосредотачивается в эти месяцы, предчувствуя, какие испытания предстоят ему.

«21-го марта. Сегодня днём внезапно приехал Керенский, нынешний министр юстиции, прошёл через все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти её в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 часами, пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению!

25-го марта. Благовещение. В небывалых условиях провели этот праздник – арестованные в своём доме и без малейшей возможности сообщаться с мамá и со своими! В 11 часов пошёл к обедне с Ольгой и Татьяной. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В 6½ были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

27-го марта. Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. **После обеда прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми си-**

деть отдельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия»...

Мы приводим эти выдержки из дневника Николая II, чтобы снова поразиться величайшему самообладанию, пример которому явлен здесь. Ведь, казалось бы, тут **так** легко возмутиться, поскольку возмущает буквально всё, и **меры**, связанные с изоляцией императрицы, и нелепые запреты, и мучительное неведение о судьбе и своей собственной, и своей семьи.

Но государь не один.

Его жизнь-подвиг проходила на глазах у детей. Он находился рядом с ними! И хотя он был лишён государственной власти, но семейной ответственности никто не лишал его. Он остаётся в глазах детей государем и не имеет права показать им слабость и малодушие. Он обязан сохранять свой отцовский и императорский авторитет перед детьми ещё и потому, что ему – Николай II уже чувствует это – предстоит провести по мученическому пути всю свою семью.

Дети тоже чувствовали это и так и вели себя, поддерживая своим поведением отца.

«31-го марта. Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 часов. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у парома. В 6½ пошли к службе. Вечером исповедовались у о. Беляева».

Царевич Алексей болел в тот день, на службе сидел в креслах, одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой...

«Как шла исповедь, говорить не буду... – записал тогда в дневнике настоятель Феодоровского собора Афанасий Беляев. – Впечатление получилось такое: Дай, Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомым, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах...»

Обид на притеснения охраны Николай II в своих дневниковых записях не высказывает. Вернее, не позволяет себе высказывать.

Только 8 июня, когда солдаты отберут детскую винтовку Алексея, которой тот играл на острове, Николай II возмущённо запишет: «Хо-роши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

И снова страницы дневника заполняют прогулки, тихие летние вечера, катание на лодке, работа в парке.

В мае, когда потеплело, начал работать в огороде, занимался с Алексеем географией, историей, катался на лодке и велосипеде, по вечерам читал детям вслух книги на английском и французском языках. 25 мая начал читать вслух «Графа Монте-Кристо».

Чтение романа затянулось на целый месяц.

Счастливые семейные вечера в гостиной царскосельского дворца...

И никто из внимавших рассказу о приключениях заточённого на острове графа не знал, что уже скоро им всем предстоит отправиться в долгий и страшный путь.

Никто не знал, что всем им остаётся жить ровно один год...

«26-го июня. День стоял великолепный. Наш хороший комендант полковник Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решётки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение «Le Comte de Monte-Christo».

28-го июня. Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий. Слава Богу! Погода стояла серая и тёплая, с ветром. После прогулки имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

11-го июля. Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Царского Села к беспокойной столице.

12-го июля. День был ветреный и холодный – 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днём работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После

нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-западный фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня, наконец, объявление Временным Правительством, что на театре военных действий вводится смертная казнь против лиц, изблеченных в государственной измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, тёплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги».

Что ещё удивляет в этом дневнике?

Железная самодисциплина, предельная строгость к себе, мужество и бесстрашие производили удивительные вещи.

В дневниках нет ни рефлексии, ни каких-либо сожалений.

Николай II живёт каждый день, как и положено жить христианину, готовым, что этот день будет последним для него. Разумеется, он не думал об этом, вернее не позволял себе думать. Каждый день встречал он с радостью и жил этот день с тем предельным наслаждением, которое не омрачается никакими пустыми и несущественными хлопотами о суетных проблемах...

«28-го июля. Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трёх или четырёх днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошёл короткий тёплый дождь...»

9

Нынешних исследователей не устраивают лживые и увёртливые разъяснения А. Ф. Керенского по поводу выбора Тобольска, и многие из них склоняются к мысли, что первый русский город в Сибири был выбран Временным прави-

тельством в силу своей, так сказать, каторжной отменности. Три с лишним века шли в Сибирь через Тобольск ссыльные и каторжники.

И хотя всю глубину астрально-медвежьего замысла о судьбе царской семьи это объяснение, разумеется, не исчерпывает, однако, несомненно, что оно ближе к истине, чем невнятное бормотание Александра Фёдоровича Керенского.

Говорят, что страна потеряла в его лице великого актёра.

Мы бы добавили, что и великого режиссёра тоже.

Когда то ли в «Малой медведице», то ли в более вышестоящем органе решение о высылке царской семьи в Тобольск было утверждено, Александр Фёдорович, позабыв про все государственные дела, сразу же взялся за эту постановку.

«31-го июля. Последний день нашего пребывания в Царском Селе, – записал тогда в дневнике Николай II. – Погода стояла чудная. Днём работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, который всё время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10½ милый Миша вошёл в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно»...

Ну, конечно, неудобно! Но так это и было задумано Александром Фёдоровичем!!!

«Я присутствовал при последнем свидании Государя с Михаилом Александровичем в ночь отъезда из Царского, – вспоминал он. – Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, мало-значущий разговор, столь обычный для такого рода кратких встреч. «Как Алиса?» – спросил Великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватаясь за руку другого или за пуговицу мундира».

Мизансцена замечательна и по выбору, и по расстановке фигур...

В одном помещении, на одной сценической площадке сошлись и бывший император Нико-

лай II, и его брат, который мог бы стать императором Михаилом II, и, конечно, сам Александр Фёдорович, ставший в результате главой России, человеком, которого почитатели называли Александром IV.

Так сказать, вот она, сама история...
И какое точное исполнение.

Братья-императоры «не в силах сосредоточиться на чем-либо», время от времени бестолково хватают друг друга за руки или за пуговицы мундира, а он, Керенский, благородно отошёл в сторону к окну и задумчиво смотрит на тёмный сад, размышляя о судьбе России...

Воистину, мизансцена – это язык **режиссёра**, действительно, это средство наиболее полного раскрытия образного содержания и способ достижения художественного впечатления...

– Могу ли я видеть детей? – несколько нарушая режиссёрский замысел, обратился к Керенскому Великий князь.

– К сожалению, я вынужден вам отказать, – хладнокровно ответил Керенский. – Не в моей власти продлить долее вашу встречу.

Учитывая, что несколько дней назад А. Ф. Керенский сменил князя Георгия Евгеньевича Львова на посту министра-председателя, сохранив при этом пост военного и морского министра, ответ его предполагал какие-то ответные реплики со стороны братьев Романовых, но они не стали ни упрашивать Александра Фёдоровича, ни негодовать.

«Они начали прощаться, – завершая описание этой мизансцены, напишет Керенский. – Кто мог подумать, что это была их последняя встреча».

Незадолго до этого у Александра Фёдоровича состоялся разговор с самим Николаем II.

«После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я ему не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и, когда я сказал, что все эти меры принимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: «Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит так оно и есть». И повторил: «Мы верим вам».

Сам Керенский привёл этот разговор как свидетельство доверительности своих отношений с императором. В его пересказе Николай II, которого он отправляет вместе с семьей на смерть, как бы и заискивает перед ним. Но это его, Керенского, пересказ.

Тут вообще не о доверительности со стороны государя идёт речь и тем более не о заискивании, а о гораздо большем.

Слова Николая II звучат, как отзвук евангельских слов Спасителя, обращённых к Иуде: «Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежащих не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: «купи, что нам нужно к празднику», или чтобы дал что-нибудь нищим».

Было 5 часов утра 14 августа, когда подали поезд.

Поезд бывшего царя – ещё одна находка режиссёра Керенского! – шёл под японским флагом. На спальном вагоне, где четыре купе занимала семья, красовалась надпись: «Японская миссия Красного Креста».

Напомнить бывшему императору проигранную им Русско-японскую войну – это Александр Фёдорович неплохо придумал. Из-за этого и управление Россией можно было отложить почти на целые сутки.

Но и тут Керенский не покинул узников, обеспечивая своё «джентльменское» сопровождение до конца. Поезд подали не к перрону, а на переезд, на «пятый запасной путь», где подъём на ступеньки вагона был затруднён.

Первой в вагон по указанию Керенского отправили императрицу.

Александра Фёдоровна – никто не помогал ей! – с трудом влезла на неудобную подножку вагона и всей тяжестью тела повалилась на площадку, в тамбуре.

Вот тут-то Керенский, словно только и ждал этого, подскочил к упавшей женщине, помог ей подняться и повёл в купе.

Там он поцеловал императрицу руку и сказал:

– До свиданья, Ваше Величество! Как видите, я предпочитаю придерживаться в обращении с вами старого титула.

Но увы, увы...

Александра Фёдоровна вообще с трудом улавливала тонкости русского языка, а сейчас, когда она так унижительно упала животом на пол

в грязном тамбуре, она и вообще не понимала, о чём говорит человек, которого ей так хотелось повесить на дереве в царскосельском парке.

Керенский, видимо, понял, что его тонкая ирония не доходит до этой грубой женщины, и поспешил выйти из купе.

Он сделал здесь, кажется, всё, что было поручено.

Пора было братья теперь за Россию.

Наконец поезд тронулся в путь.

«Красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь на Петроград и по соединительной ветке вышли на Северную железнодорожную линию», – записал Николай II в дневнике.

Стучали колёса. Оставив в стороне Шлиссельбург, поезд шёл к городу, которому назначено было стать голгофой царской семьи.

Глава девятая

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ РАССТРЕЛ

К именам двух императоров из династии Романовых делают приставку «Великий». Это Пётр I и Екатерина II.

Пётр I основал Санкт-Петербург и назвал его в честь своего небесного покровителя.

В честь Екатерины II назван Екатеринбург.

И так получилось, что в царствование Екатерины II в Ропше под Санкт-Петербургом был убит император Пётр III, оказалась обрублена петровская линия династии Романовых, а в Шлиссельбурге, где убили Иоанна Антоновича, иоанновская...

Теперь пришло время для расправы над династией Павловичей, исходящей непосредственно от Екатерины II, и произойти это должно было под Екатеринбургом...

1

Считается, что первые полтора месяца тобольского заключения были лучшими для царской семьи. Слово «лучшие» залетело в этот текст из двадцатых годов, когда, зная о екатеринбургской трагедии, с нею и сравнивали тобольские месяцы.

Но если день за днём проследить скорбный путь, перехватывает дыхание от тех неисчислимых страданий, которые пришлось перенести государю и всей семье и в самом Тобольске, и на пути к нему.

Скорбен был этот путь.

Николая II отправили в ссылку не потому, что он совершил какое-то государственное преступление, а потому что был помазанником Божиим, это в глазах Временного правительства или масонской ложи, в которой состояли члены его, и было самым тягчайшим преступлением. И не только сам император оказывался виновным тут, но и его жена, и его дети. Все они должны были отвечать неведомо перед кем.

И угнетали не только тяготы дороги, не только строгий и унижительный присмотр – угнетала неизвестность.

Легко вообразить, что чувствовал государь, когда, забывая, что это не они едут, а их везут, дети невзначай обращались к нему с вопросами, касающимися дальнейшей дороги... Что он мог ответить, если сам не знал, что будет с ними дальше?

Трудно тут не затосковать, не захандрить, но у Николая II рядом была семья, на него смотрели дети, которых ему надо было вести за собою по ещё неведомому, но такому немислимо трудному пути, и он не позволял себе расслабиться.

Даже в дневнике ощущается эта удивительная собранность.

«Плавание по реке Туре... – записывает он. – У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино. II класс под нами, а все стрелки 1-го полка, бывшие с нами в поезде, сзади внизу. Целый день ходили наверху, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и тёплая. Впереди идёт пароход министерства путей сообщения, а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стрелковых полков и с остальным багажом. Остановливались два раза для загрузки дровами. К ночи стало холодно»...

Но были на этом скорбном пути и утешения от Господа...

5 августа, перед обедом, навстречу «Руси» – так назывался пароход, на котором ехала царская семья – выплыло село Покровское.

– Здесь жил наш дорогой Григорий Ефимович, – проговорила, комкая в руках носовой платок, Александра Фёдоровна. – Мир праху его, Божьего человека. Царство ему небесное!

Государь внимательно разглядывал выбежавшие на берег Туры избы.

Говорят, что император перед самым объявлением войны посылал Григорию Распутину в Тюмень телеграмму, спрашивая его совета.

Почти сразу же пришёл ответ: «Крепись, войны не объявляй. Плохо будет тебе и Алеше».

Что думал, что чувствовал Николай II, вспоминая об этом предостережении и вглядываясь в проплывающий мимо «Руси» дом старца?

– Здесь, в этой реке, он ловил рыбу, – всё повторяла Александра Фёдоровна. – Вы помните, он присылал нам свежую рыбу в Царское Село?

Ночью государь спал плохо, проснулся, когда уже вышли в Тобол.

«Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днём стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского, – родина Григория»...

Эта оговорка не о забывчивости Николая II свидетельствует, а о том, что мысль о предопределённости «встречи» со старцем Григорием на последнем пути, была додумана и осознана государем.

Но, как и заведено в его «Дневнике», об этом, сокровенном, ни слова...

«Целый день ходили и сидели на палубе», – завершает ссыльный пассажир «Руси» запись за 6 августа 1917 года.

Как отметил Н. А. Соколов, в Тобольске «жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло». В 8 часов 45 минут подавался утренний чай. Государь пил его в своём кабинете с дочерью Ольгой. После чая занимался у себя, затем обыкновенно пилил дрова во дворе.

Та осень в Тобольске удалась на славу...

«16 августа. Отличный тёплый день. Теперь каждое утро я пью чай со всеми детьми. Провели час времени в так называемом садике и большую часть дня на балконе, который весь день согревается солнцем. До чая провозились в садике, два часа на качелях и с костром».

И 17 августа ночь была лунная, а утро – серое и холодное, и только около часа вышло солнце, и снова настал отличный день. И в воскресенье вечер был тёплый и лунный, а 23 августа, хотя и прошёл тёплый ливень, но день простоял превосходный...»

Всё это из «Дневника».

Прекрасен Божий мир! Николай II принимал эти осенние радости как Божее утешение, но приходящие из Петрограда новости жаркой вол-

ною стыда и позора смывали покой тобольской осени.

24 августа приехал Владимир Николаевич Деревенко и привёз вести, что Рига оставлена и русская армия отступила далеко на северо-восток.

«Тёплая погода с сильным восточным ветром... – привычно записывает Николай II 25 августа, но тут уже срывается: – Прогулки в садике делаются невероятно скучными; здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Царском Селе»...

2

1 сентября в Тобольске появилось новое начальство.

«Прибыл новый комиссар от Временного Правительства Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим, каким-то расстрепанным прапорщиком, – записал в этот день Николай II. – На вид – рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки. День стоял холодный и дождливый».

«Бедный учитель», который будет осуществлять контроль за перепиской царской семьи...

Николай II никак не оценивает этот факт, но уже в самой констатации его – боль и горечь очередного унижения.

Конечно же, царь знал о том, что Василий Семёнович Панкратов сидел в Шлиссельбургской крепости, и, хотя он вышел по амнистии по случаю коронации Николая II, Шлиссельбург не мог не сказаться на их отношениях.

Разумеется, Николай II и не ждал от Керенского и его правительства какого-то снисхождения к себе, но была ещё и семья, и она уж точно перед такими, как Панкратов, не виновата была ни в чём...

Начало комиссарства Василия Семёновича было ознаменовано тем, что 4 сентября залило ватерклозеты.

«Великолепный летний день. Много было на воздухе. Последние дни принесли большую неприятность в смысле отсутствия канализации. Нижний WC заливался мерзостями из верхних WC, поэтому пришлось прекратить посещение сих мест и воздерживаться от ванн; всё от того, что выгребные ямы малы и что никто не желал их чистить. Заставил Е. С. Боткина привлечь на это внимание комиссара Панкратова, который пришёл в некий ужас от здешних порядков».

Принято считать, что Панкратов был мягким и добрым человеком.

Об этом свидетельствовали почти все выжившие обитатели губернаторского дома в Тобольске, подчёркивая, что особенно выигрышно добродушие Панкратова выглядело рядом с мелочной придирчивостью «похожего на растрепанного прапорщика» Александра Владимировича Никольского, который с первого дня – «Нас, бывало, заставляли сниматься и в профиль, и в лицо!» – старался ужесточить режим. Грубый, совершенно невоспитанный Никольский отличался ещё и редкостным упрямством.

Может быть, Панкратов действительно «был человек по душе хороший».

«То, что он таким молодым кончил своё бытие, возбуждало во мне сострадание и жалость, – вспоминала о нём Вера Николаевна Фигнер, которая оказалась его соседкой и вместе с ним училась искусству тюремного перестукивания. – Я была старше его на двенадцать лет, и мне казалось, что человеку со свежими силами должно быть значительно труднее, чем мне. Это определило мое нежное, без малого материнское касательство к его личности... Как зачастую случается при заочном знакомстве, он представлялся мне круглолицым юношей с чуть-чуть пробивающимся пушком на румяных щеках, шатеном с серыми, добрыми глазами и мягким славянским носом. На деле же он был смуглым брюнетом с черными, как смоль, волосами, с черными пронзительными глазами и крупным прямым носом – «истинный цыган», как он сам отзывался о своей наружности».

Разумеется, не вина Панкратова, что он был дурно образован и воспитан и при этом сам совершенно искренне считал, что культуры и образованности как раз царской семье не хватает.

«Не знаю, какое впечатление произвел я, но что касается меня, то первое впечатление, которое я вынес, было таково, что живи эта семья в другой обстановке, а не в дворцовой с бесконечными церемониями и этикетами, **притупляющими разум и сковывающими все здоровое и свободное**, из них могли бы выйти люди совсем иные, кроме, конечно, Александры Фёдоровны. Последняя произвела на меня впечатление совершенно особое. В ней сразу почувствовал я что-то чуждое русской женщине... – вспоминал он. – Бывший царь действительно знал русскую военную историю, но знание его вообще истории народа было очень слабо: он или забыл, или во-

обще плохо разбирался в периодах русской истории и их значении, все его рассуждения в этом отношении сводились к истории войн»...

Конечно, можно только пожать плечами, удивляясь, до каких невыносимых пределов разросся апломб Василия Семёновича, но бывший народоволец был ещё и по-шлиссельбургски энергичен и по простоте души пытался ликвидировать пробелы в образовании и воспитании как царских детей, так и самого государя. Однако главные проблемы заключались даже не в отсутствии у Панкратова желания понимать людей, с которыми его свела воля Керенского, а в том, что от него действительно мало что зависело...

Вернее, это сам Панкратов делал всё, чтобы от него ничего не зависело.

Представляя власть Временного правительства, он всё время изображал её такой, какой она, по его мнению, должна выглядеть: мудрой, великодушной, прозорливой. Но поскольку власть была совершенно другой, то Панкратову оставалось только надувать щёки, изображая знание неких тайных обстоятельств, которые мешают ему быть мудрым, великодушным и прозорливым.

Между прочим, это подробно описано в его воспоминаниях...

«Ко мне подходит князь Долгоруков.

– Господин комиссар, когда же будет разрешено сходить в церковь? Николай Александрович и Александра Фёдоровна просили меня узнать, – обратился он ко мне.

– Как только будет все приготовлено. У меня нет ни малейшего намерения лишать их посещения церкви, – ответил я.

– Какие же нужны приготовления?

– Устраняющие всякие неприятности и недоразумения.

– Не понимаю, – огорченно отвечает князь.

– Не думайте, что меня беспокоят неприятности, только касающиеся меня лично, возможны неприятности другого порядка, которых я не могу допустить, – пояснил я князю.

Но он опять не понял меня»...

«Через несколько дней бывший царь опять обратился ко мне с просьбой разрешить ему с семьёю пойти за город и осмотреть город.

– Весьма охотно бы это сделал, если бы имел разрешение от Временного правительства. Кроме того, есть ещё и другие мотивы.

– Вы боитесь, что я уйду? – перебивает меня Николай Александрович.

– Этого меньше всего, – возражаю ему. – Я уверен, что вы и попытки такой не сделаете. Есть нечто другое. Вы читаете газеты?

– Что же в них? Я ничего не заметил, – недоумевая, ответил Николай Александрович.

«Николай Александрович неоднократно под влиянием этих рассказов и разговоров (рассказы самого Панкратова о красоте и богатстве сибирской природы. – Н. К.) повторял свою просьбу о прогулке за город, и каждый раз приходилось отказывать ему в этом.

– Вам нечего бояться... Вы думаете, я решусь убежать. Назначьте конвой... – говорил он.

– Я уже вам объяснил, что с этой стороны менее всего препятствий...

– А если мы сами возбудим ходатайство перед правительством?

– Пожалуйста. Разве я вам делал какие-нибудь препятствия в этом отношении?

– Но мы обращаемся к вам как к представителю правительства. Теперь мы с Александрой Фёдоровной советовались и решили обратиться прямо. Но нам кажется, что вы могли бы и своей властью разрешить»...

Подчеркнём ещё раз, что эти диалоги записаны самим В. С. Панкратовым.

Поразительно! Достаточно одарённый писатель, он даже не чувствует тут, насколько пародийно звучат его бюрократические увёртки...

А объяснения, дескать, вдруг кому-либо из тобольцев «придёт в голову во время прохода в церковь выкинуть какую-либо штуку? Бросить камнем, выкрикнуть нецензурную похабщину и т. п. Пришлось бы так или иначе реагировать. Лучше заблаговременно устранить возможность подобных историй!» – напоминают анекдот про исправника, который приказал убрать в парке все скамейки, чтобы хулиганы не могли царапать на них неприличные слова...

Как действовали эти объяснения Василия Семёновича на царскую семью, видно из дневника государя.

«На днях Е. С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены, – записал он 29 сентября. – На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов, поганец, ответил, что теперь о них не может быть речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были

этим ответом до крайности возмущены. Погода стала прохладнее»...

Государь дал Панкратову прозвище Маленький человек.

Панкратов и в самом деле был невысокого роста, но не это определило прозвище.

Панкратов и в сущности своей был «маленьким человеком». Он панически боялся ответственности и всячески уклонялся от самостоятельных решений...

3

Сам Николай II в эти дни начинает читать книги Николая Степановича Лескова.

«13 сентября. Полдня шёл дождь, но было тепло... Начал роман Лескова «Обойдённые». В девять часов вечера у нас в зале была отслужена всенощная. Легли рано».

Чтение Лескова, начавшееся накануне Воздвижения Креста Господня, увлекло государя.

И это не случайно...

Невозможно найти писателя – Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский тут не исключение – которые могли бы сравниться с Лесковым тем глубинным знанием народной русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах лесковских произведений.

Наверное, Николая II ошеломила раскрывающаяся перед ним в произведениях писателя русская жизнь. В сентябре 1917 года в Тобольске он читает Лескова рассказ за рассказом, роман за романом, том за томом...

«16 сентября. Погода простояла совсем тёплой. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил рассказ «Обойдённые» и начал «Островитяне»...

18 сентября. Осень в этом году здесь замечательная; сегодня в тени было 15° и совсем южный тёплый воздух. Днём играл с Валею Д. в городки, чего не делал много-много лет. Нездоровье Ольги прошло; она сидела долго на балконе с Аликс. Кончил «Островитяне» Лескова. Написал маме письмо через цензуру Панкратова.

19 сентября. Полуясный, но такой же тёплый день. Около 12 часов прошёл короткий летний дождь. Анастасия пролежала в постели. Татищев поправился. Днём попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда».

Чтение Лескова захватывало государя ещё и потому, что он мог наглядно сравнить повадки

нигилистов из лесковского романа с прихватами комиссара Панкратова.

«24 сентября. Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили, опасаясь чьей-то возбужденности. Обедницу отслужили у нас дома. День стоял превосходный; 11° в тени с теплым ветром. Долго гуляли, поиграл с Ольгой в городки и пилил. Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел»...

В тишине губернаторского дома в Тобольске, прерываемой лишь свистками пароходов с реки, звучал голос бывшего российского императора, рассказывающего о той «преудивительной штуке», что совершилась с барином, который отправился «в жидовский город» расследовать творящиеся там по торговой части нарушения. Вместо взятки, полученной с еврейских торговцев, он ещё и должен оказался им 25 тысяч рублей. С этим полученным вместо награды долгом и возвращается домой барин, но супруга его, весьма богомольная барынька, объявила мужу, что за его «нерассудительность другие заплатят», и приказала требовать деньги со староверов, которые работали на строительстве моста.

Денег таких у староверов, разумеется, не нашлось, и вот начинается дикая расправа, превосходящая по своей лютой жестокости любого иноплеменного нашествия.

Барин, обозленный, что староверы не желают покрыть его долг перед евреями, «накопивши сургучную палку, прямо как ткнет кипящую смолой с огнем в самый ангельский лик!».

Кажется, ни один писатель до Лескова не сумел так ярко, открыто и правдиво рассказать о той глухоте русской жизни, пользуясь которой, любой просвещенный мерзавец мог надругаться над нею.

И, наверняка, об этом тоже думал государь, читая вслух «Запечатленного ангела». Русским трудом и русской кровью была воздвигнута могущественнейшая империя, но в результате этого строительства основная часть населения, сами русские, оказались обращены в рабство в своей собственной стране.

Разумеется, начиная с правления императора Павла Петровича предпринимались попытки исправления общественного устройства, но даже когда деду Николаю II удалось отменить крепостное право, вопреки ожесточенному сопротивлению дворянства, преодолеть раскол русского общества так и не удалось.

И не могло удастся.

Слишком разным стало всё.

Язык... Культура...

Какая-то глухота появилась в русской жизни, и уже не докричаться было сквозь неё.

Только молитва и могла преодолеть эту глухоту...

«26 сентября. Окончил роман Лескова «Некуда».

30 сентября. День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днём два с половиною часа; играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова – длинные рассказы. В девять часов у нас была отслужена всенощная».

«На воле мне много приходилось слышать о том, что семья Николая II очень религиозна... – пишет В. С. Панкратов. – Но религиозность слишком различно понимается людьми, и в данном случае судить об этом более чем трудно. Эта духовно-нравственная потребность царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что богослужение совершалось в зале губернаторского дома, то есть в том же доме, где жила семья бывшего царя. И в ближайшую субботу мне первый раз пришлось присутствовать на всенощной».

76
Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Фёдоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В восемь часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший царь с семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Фёдоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи. Начинилось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, на меня вся эта обстановка произвела сильное первое впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменялась одна другою...

«О чем молится, о чем просит эта бывшая царственная семья? Что она чувствует?» – спрашивал я себя.

Монашки запели: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...»

Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего царя искренно отдается религиозному чувству и настроению».

4

В книге Н. А. Соколова приведено свидетельство полковника Кобылинского, что «Панкратов сам лично не был способен причинить сознательно зло кому-либо из царской семьи, но тем не менее выходило, что эти люди ей его причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат»...

В этом свидетельстве очень важны слова о партийности.

То ли из любопытства, то ли из тщеславия Панкратов постоянно искал неформальных контактов с царской семьёй, но при этом даже в задушевных разговорах никогда не отступал он от своих партийных принципов и заученных схем.

Эти принципы и разрушали всё хорошее, что хотел сделать Панкратов...

Не напрасно Николай II прозвал его «маленьким». «Маленький» тут ещё и тотемическое название некоей бесовской силы русской революции, сидевшей в Василии Семёновиче...

– Какова подготовка детей? – обеспокоенно спросил однажды Панкратов у Клавдии Михайловны Битнер.

– Очень много надо желать! – понимая, что хочет от неё услышать товарищ комиссар, ответила Клавдия Михайловна. – Я совершенно не ожидала того, что нашла. Такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты! Они мало читали Пушкина, Лермонтова ещё меньше, а о Некрасове и не слыхали. О других я уже и не говорю. Алексей не проходил ещё именованных чисел, у него смутное представление о русской географии. Что это значит? Как с ними занимались? Была полная возможность обставить детей лучшими профессорами, учителями – и этого не было сделано.

– Что же их больше всего интересует и интересуется ли что? Может быть, в них всё убито дворцовой жизнью? – спросил Панкратов.

– Интересуются положительно всем. Они очень любят, когда им читаешь вслух. А вам, Василий Семёнович, должна сказать комплимент: им очень нравятся ваши рассказы о ваших странствованиях...

– Вы прочитайте им вслух Некрасова «Русские женщины» и «Мороз Красный Нос», – предложил Панкратов.

На следующий день Клавдия Михайловна доложила, какое потрясающее впечатление произвели на всех детей поэмы Некрасова.

– Все слушали. Даже бывший царь и Александра Фёдоровна приходили. Дети в восторге. Странно... Как мало заботились об их развитии, образовании.

– Но что же вы скажете, Клавдия Михайловна, о ваших занятиях? Идут успешно?

– Алексей не без способностей, но привычку к усидчивой работе ему не привили. У него наблюдается какая-то порывистость, нервность в занятиях. Что же касается Марии и Анастасии, то метод, какой применялся в занятиях с ними, не в моём вкусе...

Панкратов кивал.

Слова учительницы подтверждали его наблюдение, что царская семья «задыхалась в однообразии дворцовой атмосферы, испытывала духовный голод, жажду встреч с другими людьми, но традиции, как гиря, тянули её назад».

Удивительно, но эта очевидная заинтересованность Панкратова в перевоспитании царских детей каким-то образом перемешивалась с почти садистским попустительством притеснению их со стороны Александра Владимировича Никольского.

Что же делал «этот смелый и бескорыстный друг», как называл его сам Панкратов?

«Взрослый человек, – рассказывала Александра Александровна Теглева¹⁶, – Никольский имел глупость и терпение долго из окна своей комнаты наблюдать за Алексеем Николаевичем и, увидев, что он выглянул через забор, поднял целую историю».

«Он, – подтверждает Е. С. Кобылинский, – прибежал на место, разнес солдата и в резкой форме сделал замечание Алексею Николаевичу. Мальчик обиделся на это и жаловался мне, что Никольский «кричал» на него.

Столь же невозмутимо относился Василий Семёнович и к мерзким издевательствам над

¹⁶ Няня царских детей, находилась с царской семьёй в Тобольске.

детьми солдат, которых сам и «образовал». В своих воспоминаниях он говорит, что по отношению к узникам «поведение отряда было почти рыцарским».

Каким-то удивительным образом в это рыцарство входила яма для отбросов, выкопанная солдатами прямо под окнами княжон и Александры Фёдоровны, и те отвратительные по цинизму надписи, которыми покрывали солдаты доску детских качелей.

Ещё меньше щадили «обучаемые» Панкратовым солдаты чувства самого государя. Они вдруг перестали отвечать на приветствия государя. Однажды государь поздоровался с солдатом: «Здорово, стрелок!» – и в ответ услышал: «Я не стрелок. Я – товарищ».

Однажды государь надел черкеску, на которой у него был кинжал, и солдаты немедленно потребовали, чтобы государя обыскали.

– У них оружие! – кричали они.

Потом солдаты вынесли решение, чтобы снял офицерские погоны и государь...

И снова поражаешься мужественной сдержанности государя.

Какая мудрость требовалась ему, что успокоить детей, подвергающихся хамскому обращению, какая сила требовалась, чтобы не сорваться, когда его унижали на глазах детей! А ведь к этому и подталкивали его и солдаты, и Никольский, и сам Панкратов... Им хотелось, чтобы вчерашний император стал смешным и жалким в бессильной ярости.

Государь выстоял.

Поразительно, но и на фотографиях, сделанных уже в заключении, мы видим человека, не только не потерявшего ничего из своего достоинства, но, более того, ещё укрупнившегося, человека, стоящего неизмеримо выше всех своих мучителей...

И чему он учил сына?

Истории...

Но что такое учить истории наследника престола, когда свой урок в это время даёт сама история?

«17 ноября. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

18 ноября. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров

нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!»

Мы знаем, что и для великих княжон, и для царевича Алексея жизнь в Тобольске, в этом отгороженном дворе с небольшим садом, в окружении всегда одних и тех же людей, была поразительно скучной.

Об этом и княжны, и царевич писали в письмах, но при этом никаких вспышек протеста, противоречия родителям, на которые, может быть, сам того не понимая, и подвигал их В. С. Панкратов, с их стороны не было.

«Живем тихо и дружно», – писал государь в письме великой княгине Ксении Александровне, и это, наверное, главное чудо, которое сумел сотворить Помазанник Божий в Тобольске. Он научил детей той силе и тому мужеству, которая может дать только истинная вера, он научил их смирению и жертвенности собою ради других не в мгновение высокого подвига, а ежедневно, ежечасно.

И царевич Алексей и великие княжны, как мы знаем, выдержали экзамен по отцовскому уроку. Как выдержал его и сам государь.

5

20 октября 1917 года государь записал:

«Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папá, и вот при каких обстоятельствах приходится её переживать!

Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена зауспокойная всенощная».

20 октября 1894 года в Ливадии оборвалась жизнь императора Александра III, и тогда в дневнике Николая тоже появилась запись:

«Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. Вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал его голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»

Две дневниковые записи...

Одна сделана будущим государем, другая – бывшим. Между ними – всё правление последнего русского императора.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский тоже оставил в своём дневнике запись о 20 октября 1894 года...

«Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот.

Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это **дороже всего!**»

Теперь не было рядом с Николаем II такого молитвенника.

Теперь, чтобы зазвучала эта молитва о России, нужно было самому стать святым.

Свидетельство тому, что эта молитва начала звучать в государе, – слова из его дневниковой записи в этот день: «Боже, как тяжело за бедную Россию!». Слова эти перекликаются со словами Иоанна Кронштадтского и как бы продолжают их, вмещая в себя и будущий мученический путь государя.

Свидетельство тому, что эта молитва царя-мученика нашла отзвук и в России – присланное в эти октябрьские дни в Тобольск стихотворение Сергея Сергеевича Бехтеева «Молитва»:

*Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест, тяжелый и кровавый,
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог Вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час...
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кратко за врагов!*

Это стихотворение, посвящённое великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, Сергей Бехтеев написал в Ельце в октябре 1917 года и через графиню Анастасию Васильевну Гендрикову передал в Тобольск.

Однако мистическая история «Молитвы» не ограничилась совпадением с теми переживаниями, которые владели государем в октябрьские дни 1917 года.

Великая княжна Ольга Николаевна переписала стихотворение в свою тетрадку, подаренную – на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск» – императрицей Александрой Фёдоровной.

По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге, и даже публиковалось стихотворение под её именем.

Но ведь так это и было.

Молитва, породившая «Молитву», звучала из уст государя и всей царской семьи, и тепло её коснулось Сергея Сергеевича Бехтеева, сумевшего записать эту великую тобольскую молитву на бумаге...

6

29

26 января 1918 года государь, как он отметил это в своём дневнике, завершил чтение 12-томного собрания сочинений Н. С. Лескова...

Это событие совпало с решением отрядного комитета об отстранении В. С. Панкратова и его помощника А. В. Никольского от занимаемых должностей.

После их отъезда в Тобольске начались совсем уже странные дела.

В начале марта 1918 года прибыл сюда из Омска комиссар Запсибсовета В. Д. Дуцман, и вслед за ним появился отряд омских красногвардейцев во главе с А. Ф. Демьяновым.

Всю весну они спорили, кто заберёт себе царскую семью...

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! **Да будет воля Твоя в России!** Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующей и господствующей в России»...

Эта молитва святого праведного Иоанна Кронштадтского свободно проникала в мартовские дни 1918 года в сердце последнего русского государя и продолжалась уже самой его мученической жизнью...

Дневниковые записи его неопровержимо свидетельствуют об этом.

«2 (15) марта 1918 года. Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько ещё времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля Его святая!..»

22 апреля приехал в Тобольск комиссар Константин Алексеевич Мячин, назвавшийся Василием Васильевичем Яковлевым.

Следователь Н. А. Соколов считал, что Яковлев повёз государя в Ригу, но довёз его Мячин-Яковлев почему-то только до Екатеринбурга...

Через десять лет по заказу наркома НКВД РСФСР Александра Георгиевича Белобородова Владимир Николаевич Пчёлин нарисует для Уральского музея революции восьмиметровый холст «Передача семьи Романовых Урал-совету».

Если добавить в названии слово «палачам», то оно не только уточнит смысл произведения, но и углубит трагедийное содержание картины, начинающей последнюю, екатеринбургскую страницу жизни царской семьи...

7

Такого не может быть, всё наше материалистическое воспитание восстаёт против этого, но, когда задумываешься над короткой жизнью последнего наследника Русского престола, кажется, что сама мистика обретает реальную плоть...

Мы уже говорили, что царевич Алексей родился в 1904 году, после посещения царской семьёй Саровской пустыни.

П. Жильяр пишет в своих воспоминаниях, что впервые он увидел цесаревича, когда тому было полтора года...

«Цесаревич был в то время самым дивным ребёнком, о каком только можно мечтать, с своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребёнка, и, когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребёнка, но у нее эта ласка и сопровождающий её взгляд обнаруживал: так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение».

Страшная болезнь... Человек, пришедший с берегов Туры, чтобы спасти мальчика. Зверское убийство этого человека, попытка утопить его тело в Неве...

Это и называется Роком...

И разве объяснишь простым совпадением, что в тот год, когда родился наследник престола, его будущий убийца пятнадцатилетний ученик аптекаря Янкель Свердлов первый раз угодил в тюрьму?

Рок... Судьба...

Наследник престола рос красивым и смелым мальчиком, хотя страшный рок ежеминутно напоминал о себе.

«Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола... – пишет в своих воспоминаниях П. Жильяр. – Он об этом всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко... У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе...»

«Наследник, будучи горячим патриотом, считал хорошим только все русское... Он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости, его существо наполняла мысль о том, что он – будущий царь, вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. По мнению всех близко знавших цесаревича, он представлял по уму и характеру идеал Русского царя»...

Однажды, задумавшись, цесаревич сказал своему наставнику:

– Нет... Когда я буду царём, в России не будет бедных и несчастных...

Словно в сказке о спящей принцессе, родители заботливо изымали из спальни все острые

и колющие предметы. В детской Алексея не было корабельной мачты – этого неперемного атрибута детской комнаты наследника престола... Родители окружали Алексея вещами, которые не могли поранить его...

Но никакие предосторожности не помогали. Однажды Алексей влез на скамейку в классной комнате, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об угол.

«На следующий день он уже не мог ходить. ещё через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы и причиняло страшную боль, увеличивающуюся с часу на час».

Странное ощущение охватывает сейчас, когда смотришь на сохранившиеся игрушки Алексея.

Вот заводной аист, вокруг которого хороводом бегают зайцы... Вот огромное пасхальное яйцо. Яйцо открывается, в одной половинке-футляре – деревянная статуэтка гусара; в другой – лейб-гвардейца... Фигурки солдат можно вынуть, потом аккуратно уложить назад в яйцо-футляр, накинуть защёлку и убрать яйцо в шкаф, где уже стоит грустный аист с неподвижно застывшими вокруг него зайцами.

На эти игрушки, действительно, можно было только смотреть...

Сохранилась фотография детской царевича Алексея...

Возле чума две коряжские лодки, дальше на небольшом подиуме, как в хорошем музее, модель железной дороги и броненосца, пирамида с игрушечными винтовками, модели орудий... Под потолком – аэропланы с широкими крыльями.

Вот такая странная, больше похожая на музей, чем на комнату, в которой играет ребёнок, детская...

Но, впрочем, странность рождалась и от другого.

Разглядывая невиданное пасхальное яйцо, я думал, что ведь не игрушки убили царевича Алексея...

Ведь как раз в те дни, когда «боли были ещё нестерпимее, чем накануне», в те дни, когда «Цесаревич, лежа в кровати, жалобно стонал, прижимаясь головой к руке матери», его будущий убийца Янкель Свердлов, развлекаясь в

тюремной камере, топил в параше пойманную крысу...

Ловко орудуя палкой, он не давал ей выкарабкаться, сбрасывал назад в ведро. Крыса отчаянно верещала, и товарищи Янкеля с отвращением отворачивались, чтобы не видеть этой садистской забавы.

Но ученику аптекаря наплевать было на эмоции и переживания соседей по камере...

Теперь в заточении оказались государь и его сын, который должен был стать самым русским царём...

2 мая 1918 года император Николай II записал в дневнике: «Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна»...

8

Большинство исследователей склоняются к выводу, что окончательные решения о судьбе царственных узников были приняты, когда в первой половине июля большевики установили единоличную диктатуру и утвердили на съезде Советов свой проект Конституции.

Все эти мероприятия были осуществлены к 7 июля.

В Кремле, на квартире Янкеля Мираимовича Свердлова, которого звали уже Яковом Михайловичем Свердловым, жил тогда член президиума Уралоблсоведа, военный комиссар Шая Исаакович Голощёкин, и это сюда и пришла телеграмма председателя уральского областного совета Александра Георгиевича Белобородова: «Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Авдеев сменен. Его помощник Мошкин арестован. Вместо Авдеева Юровский. Внутренний караул весь сменен»...

Считается, что Шая Исаакович и привёз в Екатеринбург инструкции Янкеля Мираимовича Свердлова.

В Екатеринбург он приехал 14 июля.

В тот же день, в 10 часов вечера, состоялось объединённое заседание Уральского областного комитета коммунистической партии и Военно-революционного комитета. Шая Исаакович Голощёкин сообщил на этом совещании о директиве Янкеля Мираимовича Свердлова, а начальник губчека Яков Хаимович Юровский, которого в

Екатеринбурге знали просто как Янкеля Фельдшера, доложил свои соображения по ликвидации царской семьи.

План его был утверждён, и 16 июля вечером Яков Хаимович Юровский явился в дом Ипатьева и приказал начальнику охранного отряда Медведеву собрать все револьверы системы Нагана.

Медведев выполнил приказ, и собранные наганы раздали членам команды особого назначения – чекистам с нерусскими именами, неведомо как возникшим в доме Ипатьева.

По многим свидетельствам, они проходят как латыши, но, судя по именам, никакого отношения к латышам не имели.

Сохранился список их фамилий, отпечатанный на бланке Революционного штаба Уральско-го района:

«Горват Лаонс, Фишер Анзелм (вероятно, в имени пропущен мягкий знак – Анзельм)...

Эдельштейн Изидор...

Фекете Эмил (тоже пропущен в имени мягкий знак – Эмиль)...

Над Имре...

Гринфелд Виктор (Гринфельд)...

Вергази Андреас»...

Имена эти, помимо списка расстрельщиков царской семьи, больше не встретятся ни в каких чекистских документах. Получается, что семёрку эту то ли набрали из военнопленных, то ли специально для расстрела царской семьи привезли в Екатеринбург...

Незадолго до полуночи в Ипатьевский дом приехали Шая Исаакович Голощёкин и Петр Захарович Ермаков.

Можно было начинать.

Яков Хаимович Юровский разбудил лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина и велел поднимать царскую семью. Он сказал, что получил приказ увезти семью в безопасное место.

Когда все оделись, Яков Хаимович приказал всем следовать за ним в полуподвальный этаж.

Впереди шли Юровский и Никулин (не сохранилось ни его имени, ни отчества), который держал в руке лампу, чтобы освещать тёмную узкую лестницу.

За ними следовал государь.

Он нёс на руках царевича Алексея – мальчика, который должен был стать русским императором и который мечтал, чтобы не было в России бедных и несчастных. Нога у царевича была перевязана толстым бинтом, и при каждом шаге он тихо стонал.

За государем шли государыня и великие княжны. Анастасия Николаевна несла на руках свою любимую собачку Джимми.

Следом – лейб-медик Е. С. Боткин, комнатная девушка А. С. Демидова, лакей А. Е. Трупп и повар И. М. Харитонов.

Замыкал шествие Павел Спиридонович Медведев.

Спустившись, прошли через нижний этаж до угловой комнаты – это была передняя с дверью на Вознесенский переулок.

Здесь Юровский указал на соседнюю комнату и объявил, что придётся подождать, пока будут поданы автомобили.

Это была пустая полуподвальная комната длиной в 5,5 и шириной в 4,5 метра. Справа от двери виднелось небольшое, с толстой железной решёткой окно на уровне земли, выходящее тоже на Вознесенский переулок.

Дверь в противоположной от входа восточной стене была заперта. Все стояли лицом к передней, через которую вошли.

«Романовы, – как пишет в своей записке Яков Хаимович Юровский, – ни о чём не догадывались».

– Что же, и стула нет? – спросила Александра Фёдоровна. – Разве и сесть нельзя?

Яков Хаимович – вот она чекистская гуманность! – приказал принести три стула.

Государь сел посреди комнаты и, посадив рядом царевича Алексея, обнял его правой рукой.

Сзади наследника встал доктор Евгений Сергеевич Боткин.

Государыня села по левую руку от государя, ближе к окну.

С этой же стороны, ближе к окну, стояла великая княжна Анастасия Николаевна, а в углу за нею – Анна Степановна Демидова.

За стулом государыни встала великая княжна Татьяна Николаевна, чуть сбоку – Ольга Николаевна и Мария Николаевна. Тут же стоял камердинер, полковник Алоизий Егорович Трупп, державший плед для наследника.

В дальнем левом от двери углу – повар Иван Михайлович Харитонов.

В 1 час 15 минут ночи за окном послышался шум мотора грузовика, присланного для перевозки тел, и тут же из соседней комнаты с наганами в руках вошли убийцы с нерусскими лицами...

Мы уже говорили, что от словосочетания «нерусский чекист» для нас за версту несёт тавтологией. Однако *эти* чекисты, вошедшие в полуподвальную комнату с толстой решёткой на окне, даже и к народам, населяющим Российскую империю, не принадлежали.

Повторим ещё раз эти имена...

Лаонс Горват, Анзельм Фишер, Изидор Эдельштейн, Эмиль Фекете, Имре Надь, Виктор Гринфельд, Андреас Вергази.

Семеро должны были расстрелять **семь** членов царской семьи.

Четверо местных палачей – Юровский включил в команду особого назначения ещё Никулина, Павла Медведева, Степана Ваганова – должны были убивать доктора Е. С. Боткина, комнатную девушку А. С. Демидову, лакея А. Е. Труппа и повара И. М. Харитонову.

Однако в последний момент Юровский изменил план и велел Горвату, который должен был стрелять в Николая II, стрелять в Боткина.

Государя Яков Хаимович взял себе.

Послушал ли Лаонс Горват Юровского, неизвестно.

Возможно, что, как было ему приказано ранее, он стрелял в православного царя. Во всяком случае, получилось так, что император был убит сразу, а Боткина после первых выстрелов пришлось достреливать...

– Граждане цари! – войдя в комнату и надувая щеки, сказал Яков Хаимович. – Ввиду того, что ваша родня в Европе продолжает наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил вас расстрелять!

Государь не сразу понял смысл сказанного. Он привстал со стула.

– Что? Что? – переспросил он.

Вместо ответа Яков Юровский в упор выстрелил в государя.

Следом раздалась ещё десять выстрелов.

Сражённый пулей Алексей Николаевич застонал, и один из чекистов ударил его сапогом в висок, а Юровский, приставив револьвер к уху мальчика, выстрелил два раза подряд.

Пришлось достреливать Боткина и царевен. Раненую Анастасию Николаевну добивали штыками. Добивали штыками и горничную Демидову.

«Один из товарищей вонзил ей в грудь штык американской винтовки «Винчестер». Штык был тупой и грудь не пронзил».

Всё оказалось залито кровью.

В крови были лица и одежда убитых, кровь стояла лужами на полу, брызгами и пятнами покрывала стены.

«Вся процедура, – как сказано в «Записке Юровского», – считая проверку (щупанье пульса и т. д.) взяла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтоб не протекала кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов».

Тем временем нерусские чекисты из расстрельной команды, то ли хулиганя, то ли исполняя обряд, выводили на стенах разные надписи¹⁷.

«...На южной стене надпись на немецком языке:

*Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht*¹⁸.

Это 21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне Belsatzar. Она отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова: «aber», то есть «но всё-таки».

Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне 21-я строфа – противоположение предыдущей, 20-й строфе. Следующая за ней и связана с предыдущей словом «aber». Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово «aber» здесь неуместно.

Возможен только один вывод: тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть.

На этой же южной стене я обнаружил **обозначение из четырех знаков**¹⁹.

9

Это **обозначение из четырёх знаков** новейшие исследователи склонны трактовать как каббалистическую надпись и расшифровывают её так: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесён в жертву для разрушения государства. О сём извещаются все народы».

Я не берусь судить, насколько разумно идентифицировать **обозначение из четырёх зна-**

¹⁷ Об этом не принято говорить, но ради объективности отметим, что надписи могли появиться и позже, когда Ипатьевский дом несколько недель стоял без присмотра и в него совершались многочисленные экскурсии.

¹⁸ В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами.

¹⁹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сирин; Советский писатель, 1990. С. 218.

ков с каббалистической записью, а тем более обсуждать верность перевода, но ритуальный характер убийства царской семьи очевиден...

Только самое страшное в этом убийстве – не каббалистические знаки, которые оставили словно бы из тьмы преисподней вынырнувшие чекисты с нерусскими именами...

Самые страшные в книге Н. А. Соколова, на мой взгляд, страницы, посвящённые описанию следов, которые оставил возле Ганиной ямы главный убийца Яков Хаимович Юровский...

Следователь Н. А. Соколов приводит свидетельство послушницы Антонины, которая принесла провизию для царской семьи, о том, что незадолго до цареубийства Янкель Хаимович велел ей упаковать в корзину яйца...

«Для кого, – задается вопросом Н. А. Соколов, – Юровский приготавливал 15 июля эти яйца, прося упаковать их в корзину?»

Вблизи открытой шахты, где уничтожались трупы, есть маленькая лесная полянка. Только на ней имеется единственный сосновый пенёк, весьма удобный для сидения.

Отсюда очень удобно наблюдать, что делается у шахты.

24 мая 1919 года вблизи этого пня под прошлогодними листьями и опавшей травой я нашёл яичную скорлупу.

15 июля ранним утром Юровский уже собрался на рудник и заботился о своем питании...

На этой же самой полянке, вдали от кустов и деревьев, я нашёл в тот же день 24 мая под прошлогодней травой несколько листиков. Они были вырваны из книжки и запачканы человеческим калом.

Книжка эта – учебное пособие малого формата, карманного. На одном из листиков сохранилось и название отдела книги, из которого листики были вырваны: «Алфавитный указатель».

Кто-то на этой полянке удовлетворял свои потребности. Под руками не было ничего подходящего. Он вынул из кармана свою книжечку и воспользовался страницами, наименее нужными.

Знакомый практически с медициной врач не станет носить у себя в кармане пособия. Это говорит о недоучке. Таким фельдшером-недоучкой был Юровский»²⁰.

Это свидетельство страшнее любой каббалистической записи...

²⁰ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сирин; Советский писатель, 1990. С. 301–302.

Попробуем представить себе картину той страшной ночи...

Возле шахты чекисты обливают вначале серной кислотой, а потом керосином тела государя, царицы, царевен и цесаревича, втаскивают на костёр и пытаются сжечь их...

А невдалеке на полянке, с которой удобно наблюдать, что делается у шахты, сидит на пеньке Яков Хаимович Юровский и, не обращая внимания на сладковатый запах обугливающих тел, расколупывает яичко.

Совершено страшнейшее преступление...

Безвинно убиты не только взрослые люди, но и дети...

Это они обгорают сейчас, превращаясь в гигантские чёрные головёшки на разведённом чекистами костре...

Время от времени Юровский поглядывает на костёр, оттуда на поляну тянет сладковатым дымом, хлопья пепла падают на руки Якова Хаимовича, на расколупанное яичко, и Юровский счищает их, но хлопья слишком жирные и не счищаются, липнут, размазываются серыми разводами по яичной скорлупе...

И Яков Хаимович выпивает яйцо вместе с хлопьями пепла, а потом достаёт из корзинки другое яйцо, не сводя глаз с жуткого костра. В свете костра видны хлопья пепла, прилипшие к толстым, жирным губам...

Совершено величайшее преступление – убит царь и его семья, обрублена возможность для возвращения гигантской России к мирному пути развития во главе с конституционным монархом...

Яков Хаимович Юровский, кажется, и не думает об этом, так увлёт его процесс поглощения яиц.

А потом, насытившись желтками и белками, смешанными с пеплом царской семьи, Яков Хаимович Юровский расстёгивает штаны и, не отходя от пенька, не спеша, справляет свою нужду, подтираясь листочками, вырванными из учебного пособия малого формата...

Так совпало, но 27 июля 1918 года, сразу после расстрела царской семьи, СНК издал особый закон об антисемитизме, согласно которому Совет народных комиссаров объявил «антисемитское движение опасностью для дела рабочей и крестьянской революции».

Как свидетельствовал А. В. Луначарский, дополнение, предписывающее всем Совдепам «принять решительные меры к пресечению в

корне антисемитского движения», а «погромщиков и ведущих погромную агитацию» «ставить вне закона», было сделано собственноручно В. И. Лениным.

Яков Хаимович Юровский об этом законе мог узнать разве только по телефону от своего непосредственного шефа Янкеля Мираимовича Свердлова, которому он и повёз семь баулов с царскими драгоценностями после расстрела царской семьи²¹.

Тем не менее этот глумливый убийца не побоялся бросить в Екатеринбурге свою мамашу – Эстер Юровскую...

И хотя белогвардейцы в Екатеринбурге тоже ничего не знали о подписанном В. И. Лениным декрете, мамашу Эстер, разумеется, не тронули. Она благополучно дождалась возвращения сына-цареубийцы...

²¹ Из Тобольска в Екатеринбург было вывезено 2 700 пудов вещей царской семьи, из которых после бегства большевиков осталось всего 150 пудов.

Ну, а тот день, когда туманом, стекающим из малярного ведра, затягивало окна дома Ипатьева, в московском Кремле, брызгая слюной и по-сверкивая стёклышками пенсне, спорили о судьбе последнего русского императора новые власти России...

И одному из них, бывшему ученику аптекаря Янкелю Свердлову, вспомнилось вдруг, как там, в камере, завершив истязание крысы, он отвернулся лицом к стене и долго лежал с открытыми глазами, словно видел в каменном мраке подвал Ипатьевского дома, куда следом за императрицей и дочерьми спустится и сам государь, держа в руках мальчика, мечтавшего, чтобы не было в России бедных и несчастных.

А следом за ним спустились в подвал чекисты с нерусскими лицами...

И уже никто не увидел, как, ярко вспыхнув вблизи Марса, скатилась с небосклона последняя звезда русских императоров.

